

либерал

Лев Гудков

Возвратный Тоталитаризм

ТОМ 2

Либерал.RU

Лев Гудков

Возвратный тоталитаризм. Том 2

«НЛО»

2022

УДК 32.019.5
ББК 66.3(2Рос)

Гудков Л. Д.

Возвратный тоталитаризм. Том 2 / Л. Д. Гудков — «НЛО»,
2022 — (Либерал.RU)

ISBN 978-5-4448-1674-5

Почему в России не получилась демократия и обществу не удалось установить контроль над властными элитами? Статьи Л. Гудкова, вошедшие в книгу «Возвратный тоталитаризм», объединены поисками ответа на этот фундаментальный вопрос. Для того, чтобы выявить причины, которые не дают стране освободиться от тоталитарного прошлого, автор рассматривает множество факторов, формирующих массовое сознание. Традиции государственного насилия, массовый аморализм (или – мораль приспособленчества), воспроизводство имперского и милитаристского «исторического сознания», импульсы контрмодернизации – вот неполный список проблем, попадающих в поле зрения Л. Гудкова. Опираясь на многочисленные материалы исследований, которые ведет Левада-Центр с конца 1980-х годов, автор предлагает теоретические схемы и аналитические конструкции, которые отвечают реальной общественно-политической ситуации. Статьи, из которых составлена книга, написаны в период с 2009 по 2019 год и отражают динамику изменений в российском массовом сознании за последнее десятилетие. «Возвратный тоталитаризм» – это естественное продолжение работы, начатой автором в книгах «Негативная идентичность» (2004) и «Абортивная модернизация» (2011). Лев Гудков – социолог, доктор философских наук, научный руководитель Левада-Центра, главный редактор журнала «Вестник общественного мнения».

УДК 32.019.5
ББК 66.3(2Рос)

ISBN 978-5-4448-1674-5

© Гудков Л. Д., 2022

© НЛО, 2022

Содержание

Раздел 2	7
1917 год в структуре легитимности российской власти[1]	7
Образ Сталина в общественном мнении России: структура тоталитарного символа[27]	38
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Лев Гудков

Возвратный тоталитаризм. Том II

ФОНД «ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ»

Фонд «Либеральная миссия» был создан в феврале 2000 года, чтобы активно содействовать развитию либеральной идеологии в России.

Основная задача Фонда – распространение универсальных либеральных ценностей свободной рыночной экономики, свободы личности и свободы слова как основ существования гражданского общества и правового государства.

Издательская программа Фонда знакомит широкий круг читателей с авторитетными исследованиями, которые посвящены последним достижениям либеральной мысли и перспективам либеральных преобразований в современной России.

Раздел 2

Институциональные и культурные ресурсы регенерации репрессивного социального порядка

1917 год в структуре легитимности российской власти¹

Сомнительный юбилей

Столетие русской революции население России встречает с полным равнодушием. Отсутствие интереса к тому, что еще четверть века назад воспринималось как ключевое событие XX века, как символ всей советской эпохи, поражает иностранных ученых и наблюдателей, но не вызывает какого-либо удивления внутри страны. Политика нынешнего руководства России направлена на подавление значимости революции 1917 года и вытеснение ее из массового сознания. Сказать, что этот юбилей замалчивается властями, нельзя, но очевидно, что он вызывает двойственные чувства у высшего руководства, недавно уверовавших коммунистов и «православных чекистов», не знающих толком, что нужно говорить в этом случае «народу»². Проходят семинары, выставки документов, появляются телевизионные передачи, посвященные этим событиям, но они носят либо дежурный, формальный и пропагандистский, либо узко групповой характер мероприятий для специалистов-историков. Масштаб юбилейных торжеств несопоставим с массированными пропагандистскими кампаниями вокруг помпезных празднований Дня Победы 9 мая. Кремлевская администрация пребывает в растерянности и явно не знает, как с минимальными издержками обойти этот юбилей, который случился совершенно некстати для идеологической повестки путинского режима. Оставить его без внимания – невозможно, но и дать какое-то убедительное и вместе с тем «правильное», «охранительное» толкование историческим фактам оказалось крайне затруднительно. Решение не о праздновании, а всего лишь об «освещении» приближающегося момента (правительственная программа мероприятий) было принято очень поздно – в декабре 2016 года. Соответственно, столетие Февральской революции (которую только и можно считать «революцией» в собственном смысле слова, то есть разрушением старого порядка и началом строительства новой государственно-политической системы), власти практически замолчали. Но обойтись таким же образом с октябрьским переворотом было бы слишком вызывающим. Необходимость отозваться на круглую дату не связана с внутренней потребностью общества осмыслить собы-

¹ Впервые опубликовано: Неприкосновенный запас. 2017. № 6 (116). С. 154–172.

² Указом Путина создана правительственная комиссия по празднованию во главе с руководителями государства и директорами академических институтов и университетов, утвержден план юбилейных мероприятий, координируемых Российским историческим обществом под руководством бывшего спикера Госдумы С. Нарышкина, ныне директора Службы внешней разведки РФ (URL: <https://historyrussia.org/images/documents/plan100letrevolution.pdf>), в который включено более 100 различных мероприятий – выставок, круглых столов, изданий и пр. Празднование открывается выставкой иконы «Державная заступница России». (URL: <http://rushistory.org/images/documents/0001201612200017.pdf>). Сам по себе этот план представляет собой чисто бюрократическую разрядку заданий для различных госучреждений (институтов РАН, музеев, библиотек и др.), которые должны представить свои экспозиции и программы конференций к этой дате. Установки кремлевских политтехнологов (как надо понимать и разъяснять населению эти события) заданы идеологической повесткой русского консерватизма, ставшего основой путинского политического курса. По словам патриарха Кирилла, интеллигенция, «совершив страшные преступления против веры, против Бога, против своего народа, против своей страны», несет «основную вину не только за революцию 1917 года», но и «за все то, что произошло в XX веке» (URL: <http://www.interfax.ru/russia/555912>). В ответ на эту насаждаемую повестку появилось некоторое количество выступлений как либеральных публицистов и историков (Л. Млечина и др.), так и крайне правых, если не сказать черносотенцев, на таких телевизионных каналах, как НТВ, «Царьград», «Звезда» и др.

тия прошлого и их последствия, скорее – это вынужденная реакция администрации на внешние обстоятельства: требования соблюсти приличия «культурной страны», имеющей «великую» историю, значимую для мирового сообщества.

Отношение советской власти к «революции» как социально-политической проблеме (включая влияние идей социализма в третьем мире) всегда носило чрезвычайно идеологизированный и подчеркнуто позитивный характер. Но когда речь заходила о процессах реформирования самой советской системы, позиция власти радикально менялась, и здесь отношение ко всем, кто выступал с планами «оптимизации» окостеневшей и склеротизированной системы господства компартии, становилось откровенно враждебным. Тем не менее после смерти Сталина, после доклада Хрущева на XX съезде, уже к концу 1950-х годов романтический образ настоящих революционеров – самоотверженных идеалистов, старых большевиков, хотевших «всего хорошего» для простых людей, стал довольно распространенным в среде интеллигенции³. Слабые попытки обновления или ревизии марксизма («возвращения к раннему Марксу») определили рамки «этики возможного»: иллюзии «социализма с человеческим лицом», родившиеся из противопоставления «хороший Ленин» – «плохой Сталин». Вся интеллигентская культура поколения шестидесятников была пронизана аллюзиями и внутренним спором с «революцией», определением ее моральной цены и поисками ответов на вопрос: было ли неизбежным перерождение революции в сталинский ГУЛАГ. Большая часть диссидентов и сочувствующих им, хотя и не принимавших открытого участия в правозащитном движении, отвечали утвердительно на этот вопрос, полагая, что коммунизм и насилие неразрывны, что партия большевиков, провозгласившая «диктатуру пролетариата», является источником и моделью общества-государства, не могущего функционировать без террора и массовых репрессий. Но дать ответ на вопрос: «Где выход из этого состояния?», – никто из них не мог. Те же, кто был близок к власти или сам являлся частью советской номенклатуры и бюрократии, считали, что изменения и гуманизация коммунистического режима возможны только «изнутри» самой системы, что единственный путь – это постепенная его трансформация в более человеческое государство или даже постепенная конвергенция с капиталистической демократией. За рамки этой повестки поколение, которое, в конце концов, и инициировало «перестройку», так и не вышло. Перестройка вывела эти разногласия наружу, но не дала понимания природы и причин возникновения тоталитарной системы.

При Горбачеве традиционно-советское понимание «гуманного и морального» во всех смыслах характера революции и советской власти подверглось значительной ревизии в ходе публичных дискуссий, еще влиявших на общественное мнение, как об этом свидетельствуют данные октябрьского опроса 1990 года. Так, 73 % опрошенных в последний год советской власти заявляли, что их взгляды на революцию за последнее время изменились, в сравнении с поздним брежневским временем, что они иначе оценивают тогдашние события и действия большевиков. 57 % опрошенных одобряли в целом необходимость вооруженного захвата власти большевиками (23 % – считали, что не было такой необходимости). Но как бы в противоречии с мнением большинства, высказанном до этого, значительная часть из них – 30 % полагали неоправданным разгон большевиками Учредительного собрания (одобряли эти действия Ленина всего 29 %, а 41 % затруднились ответить на этот вопрос). 53 % опрошенных россиян осуждали ликвидацию свободной прессы, 73 % – расстрел царской семьи, 51 % – национализацию частной собственности, 62 % – подавление крестьянских восстаний и т. п. Ликвидация «буржуазии» как класса (уход промышленников, предпринимателей из хозяйственной жизни страны) стала очень «значительной потерей» для страны, так полагали 66 % респондентов. А

³ Можно вспомнить оттепельный фильм «Коммунист», песню Б. Окуджавы о «комиссарах в пыльных шлемах», множество фильмов эпохи застоя, от «В огне брода нет» до авантюрно-приключенческих лент о революции, вроде «Неуловимых мстителей» и т. п.

это значит, что в общественном мнении страны в тот момент возобладали взгляды, противоречащие всей советской традиции героизации революции и пролетарской идеологии.

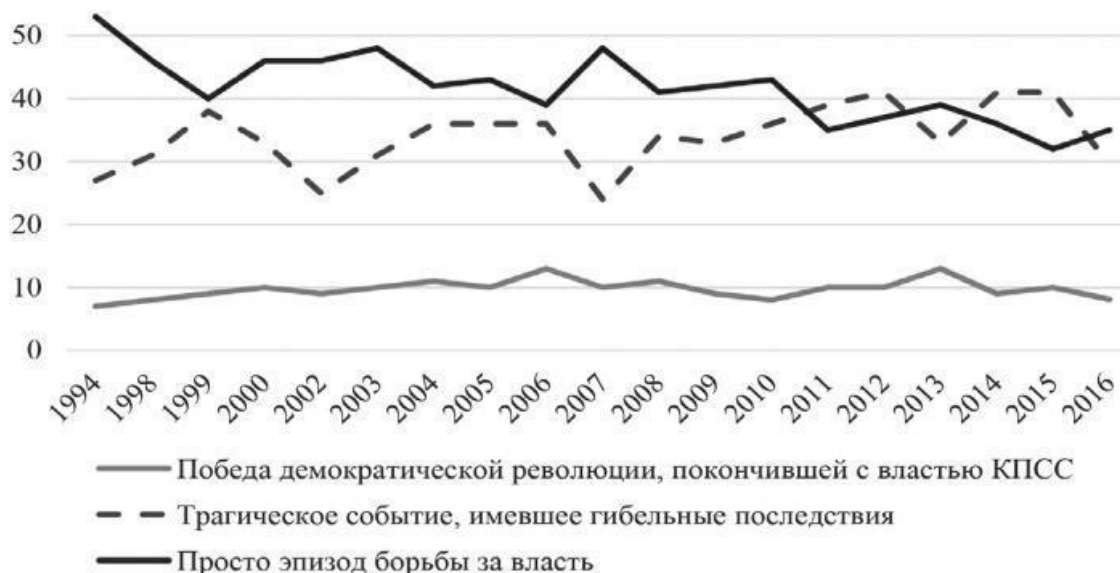
Но то было короткое время перестройки и попыток пересмотра советского прошлого, стараний определить цену социалистического эксперимента, революции, тоталитарной диктатуры. Осуждая отдельные аспекты установления диктатуры большевиков, россияне в целом все же и тогда не решались на принципиально иную оценку событий 1917 года как радикального переворота и истока национальной катастрофы (последовавшей «антропологической катастрофы», по выражению И. Бродского). Иллюзии шестидесятников, что можно построить «гуманный социализм», избежав крайностей террора и издержек тотального государства, не допускали принятия другой концепции революции (и понимания природы советского государства), что негативно сказалось на последующем развитии страны. Уже через поколение россияне вернулись к прежним представлениям: опрос 2017 года, аналогичный рассмотренному выше, дал заметное сглаживание и сближение оценок, ослабление остроты разногласий, зафиксированных во времена перестройки.

Новое руководство России, пришедшее к власти сразу после краха СССР, всеми силами старалось дистанцироваться от советской системы и уничтожить ту идеологическую базу, на которой основывалась легитимность тоталитарного государства, и прежде всего – саму идею революции. Реформаторы попытались связать постсоветскую Россию с дореволюционным развитием страны, как бы вычеркнув советский период из истории. Они старались показать возможность преемственности досоветской и постсоветской России, подчеркивая значимость эволюционного пути, продолжения мирной, как это имело место в конце XIX – начале XX века, а не форсированной (насилованной, тоталитарной, сталинской) модернизации, превращения России в «нормальную» европейскую страну, такую же, как и другие государства Центральной и Восточной Европы, уже совершившие такой поворот. Но как образец политического движения в первой половине 1990-х годов была опять принята модель «модернизации сверху», решительных институциональных реформ, проводимых властями принудительным образом, несмотря на явное сопротивление консервативно настроенных остатков партийно-советской номенклатуры, региональной бюрократии и инерционности основной массы населения⁴. Ставка на проведение экономических реформ (без глубокого изменения базовых социальных институтов: политической полиции, суда, правоохранительных органов, массового образования и т. п.) натолкнулось на устойчивость воспроизводимых ими массовых представлений и государственный патернализм ожиданий населения.

Свидетельством дискредитации самой идеи революции в постсоветский период можно считать радикальное изменение отношения российского общества к событиям августа 1991 года – краху путча ГКЧП, за которым последовали ликвидация союзных властных институтов, а затем и полное уничтожение СССР. Победа над сторонниками коммунистического реванша недолгое время воспринималась как последняя, но уже демократическая, антисоветская революция. Она мыслилась как аналог «бархатных» революций в социалистических странах Восточной Европы (или продолжение процессов декоммунизации), завершивших долгий период тоталитаризма и утопических трансформаций общества и человека. Но спустя два-три года (после конфронтации правительства Ельцина с просоветским Верховным Советом РСФСР и расстрела Белого дома в 1993 году) романтический ореол 1991 года погас. Всего 10 % опрошенных упрямо продолжали называть победу сторонников Ельцина над путчистами

⁴ Не случайно, эмблемой партии Гайдара был выбран Медный всадник – конная статуя Петра I – царя-европейца, силой насаждавшего западные формы управления и образа жизни. Попытки поднять символическое значение Февральской революции, открывавшей путь к развитию в духе западноевропейской демократизации, не удалось: «Едва ли сами реформаторы сознавали важность февральских событий. Они апеллировали не к этому времени, а к эпохе Александра II – царя-освободителя, отменившего крепостное право в 1861 году» (Кара-Мурза А. А. Деятели Февраля скорее пытались погасить революцию, нежели разжечь ее // Эксперт. 2017. № 10. С. 46).

«демократической революцией», несмотря на всю путинскую демагогию, обличение «лихих девяностых» и характеристику распада СССР как «величайшей геополитической катастрофы XX века». Через 25 лет, в 2016 году половина опрошенных уже не помнила и могла ответить на вопрос, чем был август 1991 года. За время путинского правления эти события утратили свой смысл, превратившись в малозначимый «эпизод борьбы за власть»⁵. 90 % молодых людей вообще ничего не знают о таком, казалось бы, поворотном событии в новейшей истории России. И этот факт производит, может быть, самое сильное впечатление.

N = 1600. Без затруднившихся с ответом.

Рис. 13.2. Как вы сейчас оцениваете события августа 1991 года?

Три революции: избирательность ритуалов государственной идентичности

100-летняя годовщина Февральской революции 1917 года (крах самодержавия) прошла почти незамеченной. Кремлевское начальство слишком поздно сочло нужным отреагировать на эту дату. Агитационная машина очень медленно начала заводиться, вбрасывая в публичное пространство разные версии давно прошедшего: от заговора масонов против царя или предательства элит до клерикальных стенаний о святом царе-мученике и страстотерпце. Крах империи связывался с греховностью образованного общества, атеизмом беспочвенной интеллигенции, влиянием Запада, общим нравственным разложением и «порчей нравов». Редкие голоса либеральных историков и политических философов рассматривали отречение царя либо как «зарю российской демократии», либо как начало цепной реакции, приведшей к социальному «хаосу» и трагедии народа⁶. Как и их оппоненты из лагеря русских консерваторов, либералы были склонны к идеализации и апологии тех, кому они сочувствовали (кадетам, октябристам), преувеличивая их достоинства и демонизируя противника (монархистов, эсеров, большевиков). Более умеренные историки и публицисты говорили об обреченности российского государства, неспособного вовремя начать реформы и адаптироваться к изменениям в мире, бездарности и политическом дилетантизме слабого царя, не понимающего логики распада империи, неизбежной эрозии патриотизма из-за проигрываемой империалистической войны,

⁵ Общественное мнение – 2016. М.: Левада-Центр, 2016. С. 253.

⁶ Булдаков В. П. От утопии к катастрофе: как Россия прельстилась революцией. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/09/03/2017/58bec41e9a7947094e610fb9>. На «тезисе, что это “либералы развалили Россию” <...> сошлись и охранители, пытающиеся сбросить с себя вину за русскую катастрофу, и большевики» (Кара-Мурза А. А. Указ. соч. С. 47).

об усталости общества, последствиях нерешаемых социальных проблем и т. п. Но и у тех, и у других за рамками объяснения оставались главные вопросы: почему при всех достоинствах тех, кто пришел тогда к власти, при массовой эйфории, опьянении от провозглашенной свободы, перехода к республиканскому правлению, победители в Февральской революции оказались несостоятельными политиками, так легко отдавшими власть большевикам⁷. Общих дискуссий в целом не получилось.

Поэтому в массовом сознании (общественном мнении, фиксируемом опросами «Левада-Центра») сохранились главным образом советские каноны трактовки Февральской революции:

Таблица 114.2

Какая из следующих точек зрения по поводу Февральской революции вам ближе?

(один ответ)

	2017, I
Февральская революция открывала путь к буржуазно-демократическому развитию России, превращению ее в такую же страну, как другие европейские государства	21
Февральская революция 1917 года сама по себе не имела никакого значения, это лишь первый, предварительный этап Октябрьской революции	45
Затруднились ответить	35

$N = 1600$.

Еще при Ельцине, который начал поиски «национальной идеи» России взамен коммунистической идеологии, в обществе, публичном пространстве стал заметен рост числа тех, кто после распада СССР искал истоки деградации страны в разрушении монархии, и затем – некоторое преобладание их над респондентами, придерживающимися обычной для советского человека веры в прогрессивный характер свержения царя. Косвенно на это указывает и увеличение числа людей, негативно оценивающих свержение самодержавия и рост симпатий к последнему царю, его образу безвинной жертвы и мученика революции. Но размывание советских идеологических стереотипов не означало поворота к прозападным и демократическим ценностям. К настоящему времени проблематика выбора направления национального развития почти не вызывает интереса у обычных людей, для которых главной национальной идеей остается «стабильность» (отказ от перемен и потрясений), а нынешняя система все чаще оценивается как наилучшая в сравнении с советским прошлым или демократией западного образца.

Таблица 115.2

15 марта (2 марта по старому стилю) 1917 года российский император Николай II отрекся от престола. Прошло 100 лет, но люди до сих пор по-разному оценивают

⁷ «Февральская революция 1917 года была общедемократической по своему содержанию и ее поддержало абсолютное большинство народа» (Кара-Мурза А. А. Указ. соч. С. 47).

это событие, которое положило конец российской монархии. С какой из следующих точек зрения вы бы скорее согласились?

	1997 III	2012 II	2017 III
Крушение монархии было прогрессивным шагом в развитии страны	16	9	13
Крушение монархии привело Россию на путь утраты своего национального и государственного величия	23	25	21
Положительные и отрицательные последствия крушения монархии компенсируют друг друга	19	18	23
Никогда не задумывался над этим	29	36	32
Затруднились ответить	14	12	11

$N = 1600$.

Годовщина Великой Октябрьской социалистической революции (далее мы будем ее называть аббревиатурой ВОСР, следуя обычаям позднего брежневского новояза) была главным государственным праздником в СССР (сам праздник 7 ноября установлен в 1918 году, а с 1927 года 7 и 8 ноября объявлены нерабочими днями). 7 ноября каждый год в Москве на Красной площади проходил военный парад (в больших городах и областных центрах – свои, поменьше), во всех городах – массовые демонстрации и митинги, возглавляемые партийным и советским руководством, вечером – праздничные концерты, салюты, гуляния, застолье. С концом советской власти эти ритуалы закончились, последний военный парад 7 ноября прошел в 1990 году. После краха ГКЧП последовал запрет КПСС, и 7 ноября перестало считаться государственным праздником; с 1992 года выходным (праздничным) днем остался только один день вместо двух – 7 ноября. Еще через 5 лет (в 1996 году) при Ельцине, боровшемся с сопротивлением коммунистов в парламенте, этот праздник был переименован в «День согласия и примирения»⁸. В конце декабря 2004 года Путин отменил и этот праздник, 7 ноября стал обычным рабочим днем. Выходным (нерабочим) сделали «День народного единства» – близкий по времени Праздник иконы Казанской Божьей Матери, отмечаемый Русской православной церковью 4 ноября в память об «освобождении Московского Кремля от поляков в 1612 году» (историками эта дата не подтверждается).

Если судить по материалам наших социологических опросов, последнее официальное празднование 7 ноября в 1990 году проходило в основном «так же, как в предшествующие годы» (так об этом тогда сообщало большинство опрошенных нашим Центром – 51 %). Несмотря на то, что отмена праздника сначала Ельциным, а затем и окончательная – Путиным была встречена весьма противоречивыми чувствами негативное отношение к этому государственному церемониалу довольно быстро распространялось.

Аргументация противников отмены сводилась к тому, что «нельзя устранить из народного сознания память о таком великом событии». Подобные настроения сохранялись еще

⁸ Как было сказано по этому случаю в указе президента Ельцина: «В целях смягчения противостояния и примирения различных слоев российского общества».

несколько лет: даже в октябре 2011 года соотношение сторонников и противников отмены праздника составляло 50 к 30 %. Но дело было сделано: статус главного государственного ритуала идентичности перешел к 9 мая, Дню Победы, хотя память о ВОСР остается – практически две трети населения (63 %, ноябрь 2011 года) помнят о нем, но отмечать его так, как это было в прошлые годы, собирались все меньше и меньше людей: в 2010–2012 годах – 17–18 %, в 2014–2016 годах – 12 %. В социальном плане это прежде всего пожилые люди, упертые сторонники компартии, сталинисты, уходящее поколение советских людей⁹.

В путинской России само понятие «революция» вызывает неоднозначные, скорее негативные ассоциации. Даже сторонники КПРФ сегодня предпочитают говорить не столько о революции как победе пролетариата или торжестве идей Маркса, сколько о достижениях и величии СССР как реинкарнации русской империи. Никто – ни демократы, ни путинисты, ни оппонирующие режиму националисты – не хочет сегодня повторения революции, хоть в каком-либо виде, сознавая сопряженные с ней бедствия, хаос, гражданскую войну и прочие катаклизмы.

Такое отношение сложилось сравнительно недавно. Само слово «революция»¹⁰ вплоть до краха СССР воспринималось исключительно как ценностно-наполненное и позитивно окрашенное. ВОСР в советском идеологическом языке была синонимом ключевого (или даже главного) события мировой истории, поворотной точке развития человечества (в логике исторического материализма эквивалентной явлению Христа, началу нового летоисчисления). Такое понимание лежало в основе легитимации советской власти и воспроизводилось всеми социальными институтами (школой, пропагандой, экономическим планированием, армией, полицией, системами социального контроля, наукой и пр.). Из трех русских революций – 1905 года, Февральской 1917 года и октябрьского переворота (большевистского «путча», как его называли эмигранты и зарубежные историки) – абсолютным значением обладала только ВОСР. Первая революция 1905 года рассматривалась только как репетиция Октября¹¹. Февральская революция – свержение самодержавия и провозглашение республики (что, собственно, только и может называться в теоретическом плане «революцией») – в советское время всячески умалялась и низводилась до прелюдии захвата власти большевиками¹².

⁹ Общественное мнение – 2004. С. 167. Табл. 21.12.1–21.12.2; но уже в 2005 году доля одобряющих отмену праздника 7 ноября поднялась до 27 %, а число осуждающих пропорционально снизилось. См.: Общественное мнение – 2005. С. 183. Табл. 24.7.

¹⁰ Когда употреблялось слово «революция» (без определений и дополнений), то всем было понятно, что под этим подразумевалось не что иное, как Великая Октябрьская социалистическая революция или ее более широкий контекст – Гражданская война и период военного коммунизма (до НЭПа).

¹¹ От первой русской революции 1905 года в массовом сознании почти ничего не осталось. Хотя символически события того времени уже в первые советские годы осели в названиях улиц, площадей, фабрик, к 1960-м годам семантика этой топонимики рутинизировалась и стерлась до неопознаваемости. С крахом советской власти пошла новая волна переименований и возвращения прежних, дореволюционных названий, что уничтожило следы и связи не только с 1905-м, но даже с 1917 годом. Мало кто сегодня мог бы сказать, почему то или иное место носит такое название. В провинции советские названия (как и памятники Ленину, Кирову и другим советским деятелям) остались почти нетронутыми. В столицах возвращение дореволюционных названий заметно лишь в центре города. Но в Москве остались и Красная Пресня, и площадь Восстания, Октябрьская площадь, станции метро «1905 года», «Бауманская», «Баррикадная», «Площадь Революции», не говоря уже о Ленинском проспекте, Ленинградском вокзале и других топонимах. Единственной фигурой из событий 1905 года, которая поднята на щит кремлевскими политтехнологами, был премьер-министр царского правительства П. Столыпин. Забыто, что с его именем связано подавление революции, роспуск первого русского парламента, военные суды и казни. В современной политической риторике осталась его звонкая фраза: «Им [оппозиции] нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия», ставшая девизом консервативного объединения политиков и экономистов «Столыпинский клуб».

¹² И смысл (содержание), и ход исторических событий в феврале – мае того года всегда подавались в тенденциозно-одностороннем изложении: только как последовательная реализации партией Ленина плана подготовки к вооруженному восстанию, неизбежность которого обоснована научными выводами марксизма. В школах или в вузах, в университетах почти никогда не упоминались какие-либо другие политические деятели, кроме деятелей РСДРП(б). Была тщательно обойдена и искажена роль Л. Троцкого, старых большевиков, репрессированных в годы сталинского террора. Трактовка революционных событий была задана каноном сталинского «Краткого курса ВКП(б)». И именно эта схема исторического процесса, усвоенная массовым сознанием, воспроизводится сегодня, отражаясь в стертом виде в данных исследований общественного мнения.

Справедливости ради следует сказать, что вытеснение символического значения революции (и не только Октябрьской, но и Февральской и тем более – революции 1905 года) началось практически сразу после краха ГКЧП. Новое руководство России предприняло несколько попыток заменить советскую легитимность, восходящую к революционному оправданию насилия и захвата власти, какой-то иной, которая восстановила бы преемственность постсоветского государства с дореволюционным прошлым. Разные политические партии старались установить собственную связь с предшествующими реформаторами (одни – с Александром II Освободителем, другие – с монархистом Столыпиным, подавившим крестьянские волнения, практически выхолостившим первый слабый русский парламент, но провозглашенным инициатором аграрной реформы, третьи – с Союзом русского народа и идеологами возрождения империи и т. п.). В любом случае общий вектор политических мечтаний определялся стремлением забыть, уйти от социализма, интернационализма, от плановой государственной экономики и, напротив, реанимировать традиционные основы русской власти с ее православием, державным величием, а позднее – вернуться к идеологии своей исключительности (ослабевшего пафоса своей миссии в мире), милитаризма, антизападничества. Либералы и демократы подчеркивали бесчеловечность советского режима и гуманитарную цену сталинской модернизации, делая отсюда вывод о необходимости политики вестернизации, охранители и реакционеры – упирали на апостасию и разрушение «симфонии государства и церкви».

Сегодня вниманию властей предлагают целый ряд конкурирующих между собой конспирологических версий Октябрьской революции (представленных на федеральных телевизионных каналах и в печатных изданиях), но все они значительно превосходят по своему радикализму допустимый уровень эклектического официозного консерватизма. Власти не в состоянии выбрать ни одну из них. Варианты интерпретации переломных процессов 1917–1922 года в России, предлагаемые академическими историками, в публичном поле не просматриваются, хотя предметные исследования, безусловно, появляются, в том числе и очень серьезного научного уровня. Однако работы такого рода не привлекают внимания государственных или прокремлевских СМИ, превратившихся за последние 15 лет в инструмент политической пропаганды, а потому соответствующие выводы ученых не доступны публике и не оказывают никакого влияния на массовое историческое сознание.

Второй состав высшего руководства России (путинская бюрократия, сменившая реформаторов ельцинского времени) проявляет явную нервность, когда историки или политики затрагивают значимые обстоятельства конституции властных институтов и массового признания законности, справедливости или поддержки социального порядка. Однако обращаясь к событиям 1917 года, трудно игнорировать общие вопросы легитимности политической системы (не только предшествующей, но и ныне действующей). Поэтому власти стараются нейтрализовать любые сомнения в своем праве господства, а тем более угрозы потенциального изменения власти или будущего страны, а значит, отодвигают или откладывают любые обсуждения и оценки качества и законности, справедливости, эффективности власти (как царской, так и советской, и подавно – путинского режима). Спущенные сверху планы и программы юбилейных мероприятий должны были обеспечить ритуальное пустословие по поводу революции, подводя дискуссии к нехитрому выводу: революции – зло и трагедия, в особенности «цветные» и импортируемые с Запада¹³. «Нам» нужна «стабильность», патриотическая консолидация вокруг власти, стойкость по отношению к чуждому влиянию, в особенности к соблазнам «демократии», «свободы», «прав человека», разговорам о честности и неподкупности власти и т. п. Акцент в пропагандистских материалах делается на травматических последствиях краха государства, а не на его причинах (что снимает вопрос об ответственности власти).

¹³ Из государственного стандарта знаний по истории для средней школы убрано понятие «Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года».

Некоторые трудности такой позиции заключаются в том, что нынешний режим не может взять и совсем оборвать свои генетические связи с советской системой (поскольку источник легитимности СССР заключается именно в большевистской революции), но он всеми силами старается взять от нее лишь то, что относится к символическому капиталу супердержавы времен холодной войны. Это плохо удастся, так как современная Россия, лишенная способности угрожать другим странам (в том числе ядерным оружием), немедленно предстает в качестве претенциозной, но деградирующей диктатуры, теряющей свое влияние даже в роли региональной державы. Главный компонент исторической легитимации путинизма заключается в присвоении морального капитала победы над фашистской Германией. Но, как ни стараются путинские политтехнологи, невозможно оставить себе только триумф Победы 9 мая 1945 года и не затрагивать тему человеческой цены красного террора, войны с крестьянством, массовых репрессий – всего того, что неразрывно ассоциируется со сталинским тоталитаризмом, выросшим из сомнительной легитимности октябрьского переворота. Двусмысленности, смысловые разрывы и противоречия все равно остаются.

Однако высшее руководство России гораздо в меньшей степени, чем советские правители озабочено тщательностью идеологической проработки и обоснованием своих целей и действий. Этому есть несколько объяснений: советская тоталитарная система была жестко институционализирована (а значит, в определенном смысле деперсонализирована); решениям Политбюро предшествовала длительная работа аппарата ЦК (агитпропа, орготделов), партийных редакторов, Главлита (цензуры), журналистов и т. п. Нынешний режим не обладает столь жесткой структурой управления и подбора кадров, как в советские времена; легитимация власти стала эклектичной и прагматически обусловленной. За 17 лет правления Путина сама организационно-управленческая структура власти институционально и идеологически менялись: от идеологической неопределенности «продолжения реформ» в первые годы к «особому пути», геополитике, мистике «великой державы», антизападничеству и, наконец, – к православному чекизму, «государственному патриотизму», сочетанию традиционализма и изоляционизма. Ликвидация открытой политической конкуренции неизбежно должна была привести и привела к ужесточению цензуры в СМИ, в сфере преподавания и функционирования культуры, усилению зависимости от государства групп, обеспечивающих просвещение масс и интеллектуальную рационализацию социальных процессов¹⁴. Но для идеологической obsługi, для тех, кто конкурирует между собой за влияние на власть (речь не идет о политическом целеполагании), за право быть разработчиками тех или иных версий оправдания уже реализующейся политики, это означало, что «открытыми» для использования остаются лишь давно отработанные идейные ресурсы, отвалы прежних, казалось бы, давно забытых консервативных концепций, мифов, провиденциалистских, геополитических или расистских теорий и т. п. Чем сильнее подавляются группы либеральных историков и публичных интеллектуалов, тем больший простор открывается для консерваторов, реакционеров и мракобесов. Последние получили шанс для беззастенчивой пропаганды своих взглядов и интересов благодаря поддержке самых влиятельных сегодня, но и самых консервативных или даже архаических по своим взглядам структур – секретной политической полиции, Генштаба, прокуратуры, судебной бюрократии и клерикальных сил. Сочетание невежественности, наглости и насилия при двусмысленной позиции правительства или неявном его поощрении дает этим группам небывалую ранее возможность самоутверждения и вытеснения оппонентов, а значит – завоевания уже вполне материальных и очень значительных ресурсов. Внезапные и как бы спонтанные, стихийные скандалы с «Матильдой», многолюдные крестные ходы, протесты, возникшие, к изумлению

¹⁴ Юбилей предоставляет для анализа возможность эксперимента: сопоставляя пропагандистские и организационные усилия власти и различных социальных сил, стремящихся влиять на нее, можно оценить потенциал и характер влияния на массовое сознание идеологических механизмов, используемых разными институтами и социальными группами в посттоталитарном государстве для реализации своих интересов.

многих, как бы на пустом месте, образуют в этом плане очень характерную параллель к тусклости организованных сверху дискуссий и казенных мероприятий, посвященных революции.

Ограничивая возможности политической свободы, режим резко сужает и горизонты возможного, то есть потолок массовых aspirations (а еще в большей степени – рамки действия социальной элиты и правящих кланов). Из-за скудости имеющихся идейных и смысловых ресурсов Кремль вынужден строить новую идеологическую утопию, обращенную в прошлое, собирая ее из остатков советских представлений, дореволюционных мифов, исторических преданий, предрассудков и фактических подлогов. Но, провозгласив курс на возвращение к традиционным ценностям, сакральным скрепам и тому подобной идеологической трухе, российское руководство вынуждено все же в какой-то мере считаться с сопротивлением ставшего «потребительским» общества, его нежеланием возвращаться к одномерной реальности мобилизационного государства, жертвовать своим благополучием ради фантомов державного величия и геополитических успехов и достижений. Предпринимаемые пропагандой и политехнологами усилия по идеологической доктринации населения наталкиваются на пассивность отклика и лукавое двоемыслие граждан, живущих интересами повседневного существования. Их собственные представления обусловлены не идеологическими запросами (амбициями великой державы, религиозным фанатизмом, патриотизмом подрастающего поколения и пр.), а инстинктом выживания и самосохранением, равно как и потребностью в самоуважении (а следовательно, комплексами, страхами, заглядыванием «за забор»: как живут люди в «нормальных странах»).

Поэтому в социологических исследованиях общественного мнения мы имеем дело не просто с распределением тех или иных представлений, заданных институтами поддержания системы господства (СМИ, образованием, декламациями управляющих функционеров, политиков, представителей армии, так называемых правоохранительных органов и др.), но и с разной степенью их рецепции или интенсивностью их выражения в различных социальных средах и группах. Благодаря этой неравномерности и различию конкурирующих между собой, обслуживающих власть групп – держателей того или иного идеологического ресурса – мы имеем дело с некоторым, пусть и ограниченным разнообразием массовых взглядов и мнений. Чем дальше от интересов обычного человека плоскость тех или иных идеологических суждений, позиций, тем слабее его готовность отстаивать их, нести за них ответственность, покрывая издержки политики, оправдываемой ими. В этом отношении приходится различать мнения о прошлом или настоящем, «широко распространенные», благодаря пропаганде, но «низкой интенсивности», отделяя их от «сильных», хотя и четко не артикулируемых представлений, которые непосредственно связаны с интересами существования конкретной социальной группы или их множества.

Для социолога здесь намечаются несколько интересных проблем: во-первых, надо понять, как изменилась в последние десятилетия функциональная роль ключевых символов национальной идентичности в процессах трансформации институциональной системы советского тоталитаризма, описать причины и характер подобных изменений, их механизмы; во-вторых, проанализировать, что определяет массовые «исторические представления», какие интересы или запросы позволяют удерживать взгляды предшествующих периодов, а какие – радикально меняют оценки и отношение к прежним событиям; в-третьих, каковы механизмы ретрансляции «исторической памяти» или воспроизводства стереотипов прошлого, стандартов интерпретации и др.

Не на все эти или им подобные вопросы можно удовлетворительно ответить в рамках настоящей статьи. Попробую, по крайней мере, наметить возможные ответы на некоторые из них. Но для начала кратко охарактеризую состояние массового исторического сознания или понимания того, что «произошло в 1917 году».

Социологические исследования отношений к 1917 году

Говоря о «коллективной памяти» следует иметь в виду, что люди помнят не сами события, а то, что им рассказывали о них, соответственно, то, что им вменялось в обязанность «помнить». Опросы «Левада-Центра» показывают наличие двух слоев или типов массового отношения к революции 1917 года.

Первый представляет собой руины советской идеологии, центральное место в которой занимал комплекс значений ВОСР. Если принять тезис, что сама суть революции означает: а) разрушение старой системы и б) формирование нового общественно-политического строя, то Октябрь 1917 года в этом контексте – принципиальный поворот человеческой истории, начало построения бесклассового общества, свободного от эксплуатации человека человеком. Это событие обозначало не столько падение самодержавия (крах Старого режима), сколько конституирование нового социального порядка, нового социума. По своей значимости в советской идеологии ВОСР занимала центральное место в истории человечества, открывая новую эру его развития. Революция превращалась в нулевую точку нового летоисчисления. Выражением и убедительным доказательством правильности этой идеологии для ее адептов или склонных принять ее было послевоенное возвышение СССР до положения одной из двух мировых супердержав.

В другой версии большевистская революция понимается как социальная и антропологическая катастрофа, тектонический разлом национальной истории, насильственный разрыв со всем предшествующим развитием страны. Такое мнение разделяют как консервативные националисты (православные и монархические фундаменталисты), так и либералы, сторонники вестернизации России, расценивающие победу большевиков как начало тоталитарной контрмодернизации. Истоки подобного понимания можно найти в работах либеральных историков начала 1920-х годов или в выступлениях эмигрантов, пытавшихся осмыслить свое поражение. Во второй половине 1960-х – начале 1970-х годов идеи и представления этого рода проникли в самиздат, получив особую актуальность после подавления «Пражской весны» и краха самой идеи социализма.

В своем чистом виде обе трактовки характерны для относительно немногочисленных групп населения, занимающих крайние полюса идеологического спектра (примерно по 15–20 % каждое крыло). Большинство же населения легко смешивает отдельные компоненты расходящихся версий, ничуть не смущаясь возникающими противоречиями в трактовке давних событий. Поскольку у Кремля нет определенности в отношении к революции как социально-исторической проблеме и нет желания прояснять связанные с ней вопросы, то возникающие разноречия и многообразие мнений по этим вопросам не цензурируются и не подчинены силовому влиянию пропаганды.

Во время горбачевской перестройки в массовом сознании начали укрепляться взгляды, противоречащие всей советской традиции героизации революции и пролетарской идеологии. Но процесс переоценки смысла революционных событий (а значит, и природы советского тоталитаризма) в дальнейшем замедлился, приостановился, а в некоторых отношениях прежние установки начали возвращаться; рационализации прошлого так и не произошло (*табл. 116.2*).

Отвергая «крайности» пролетарской диктатуры – убийство царя и его семьи, насильственное прекращение деятельности предпарламента, ликвидацию частной собственности, оппозиции, войну с крестьянством, сопротивляющимся собственному ограблению, репрессии по отношению к церкви, – российское население (в значительной своей части) принимает советскую власть как необходимую или неизбежную фазу русской истории. Оправдание революционного захвата власти большевиками снизилось, но не утратило значимости. Полярность мнений стала более размытой и менее определенной. Чаше о негативных последствиях уста-

новления советской власти заявляют более образованные респонденты, жители столиц и крупных городов. В первую очередь это относится к оценке последствий политики атеистического государства в отношении церкви – здесь осуждение террора сопровождало процессы «религиозного возрождения». Некритичное, рутинное сохранение (или воспроизводство) советских стереотипов и представлений о характере революции и ее причинах в большей степени присуще малообразованным, пожилым людям, жителям провинциальных малых и средних городов, сельскому населению, слабо затронутому влиянием перестроечных процессов. Среди самых молодых (18–24-летних, то есть недавно отучившихся в школе или вузе, других учебных заведениях) заметно выше доля затрудняющихся дать определенный ответ, что косвенно указывает на отсутствие интереса к истории (и на качество и характер преподавания).

Таблица 116.2

Как вы считаете, была ли необходимость...?

	1990	2017	Разница оценок
В ВООРУЖЕННОМ ЗАХВАТЕ ВЛАСТИ БОЛЬШЕВИКАМИ?			
В этом была необходимость	57	42	-15
В этом не было необходимости	23	37	+14
Затрудняюсь ответить	20	21	+1
В РАЗГОНЕ БОЛЬШЕВИКАМИ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ?			
В этом была необходимость	29	39	+10
В этом не было необходимости	30	34	+4
Затрудняюсь ответить	41	27	-14
В ЗАКРЫТИИ БОЛЬШЕВИКАМИ ГАЗЕТ ДРУГИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ?			
В этом была необходимость	23	28	+5
В этом не было необходимости	53	46	-6
Затрудняюсь ответить	24	26	+2
В РАССТРЕЛЕ БОЛЬШЕВИКАМИ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ?			
В этом была необходимость	13	10	-3
В этом не было необходимости	73	76	+3
Затрудняюсь ответить	14	14	+1
В НАЦИОНАЛИЗАЦИИ БОЛЬШЕВИКАМИ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ?			
В этом была необходимость	24	33	+9
В этом не было необходимости	51	45	-6
Затрудняюсь ответить	25	22	-3
В ВООРУЖЕННОМ ПОДАВЛЕНИИ БОЛЬШЕВИКАМИ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОССТАНИЙ?			
В этом была необходимость	11	19	+8
В этом не было необходимости	62	58	-4
Затрудняюсь ответить	27	23	-4

Таблица 117.2

Согласны ли вы с тем, что Октябрьская революция нанесла серьезный урон...?

	1990 X	2017 III	Разница оценок
РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ?			
Согласен	69	49	-20
Не согласен	17	41	+24
Затрудняюсь ответить	14	10	-4
РУССКОМУ КРЕСТЬЯНСТВУ?			
Согласен	68	48	-20
Не согласен	20	42	+22
Затрудняюсь ответить	12	10	-2
РЕЛИГИИ И ЦЕРКВИ?			
Согласен	85	69	-16
Не согласен	6	20	+14
Затрудняюсь ответить	9	12	+3
Число опрошенных	1047	1600	

Массовые представления о причинах революции

Распад идеологической структуры представлений о революционном процессе сопровождался растущей неоднозначностью понимания причин или мотивов революции. От чисто марксистско-ленинской трактовки революции массовое сознание движется к характерным для путинской риторики «стабильности» и «сильному государству» (но воспринятым только в негативной форме, как скрытому предостережению: слабая власть – исток и причина всех постигших Россию бед).

Явно обозначились три основные версии революции: *консервативная* – безответственные демагоги и политические авантюристы – либералы, революционеры разрушили великое государство; *советская* – терпение народа к концу империалистической войны было исчерпано, эксплуатируемые классы восстали, Ленин основал небывалое в истории социалистическое государство рабочих и крестьян; *идея внешнего геополитического заговора с целью разрушения русского государства*, которая в последнее время звучит все более отчетливо (кандидаты на роль врага меняются в зависимости от политической конъюнктуры: Великобритания, Германия, США и другие западные державы, боящиеся сильной и великой России).

Таблица 118.2

Как вам кажется, что главным образом привело к Октябрьской революции?

	1990 X	1997 X	2001 XI	2007 X	2011 X	2017 III
Тяжелое положение трудящихся	66	57	60	57	53	50
Слабость правительственной власти	36	40	39	35	34	45
Заговор врагов русского народа	6	11	11	13	12	20
Экстремизм политических авантюристов	16	14	15	17	15	19
Стихийная агрессия толпы	15	15	14	12	15	15
Другое	2	1	<1	1	2	2
Затруднились ответить	12	11	9	9	12	7

Множественный выбор; ранжировано по марту 2017 года.

Наиболее убедительная для основной массы населения версия, объясняющая «революцию» (свержение самодержавия и захват власти большевиками), сводится главным образом к «тяжелому положению трудящихся». Сила такого объяснения обусловлена не только привычностью этого взгляда на человека, но и проекцией сегодняшней ситуации на прошлое – неудовлетворенностью патерналистских ожиданий в отношении социальной политики российского руководства. Государственный патернализм, легитимационный базис принципиально дефицитного социалистического социума, в постсоветское время разбавился идеологией «потребительского общества», представляющей собой не более чем продолжение материалистического понимания человека и истории. Такое объяснение революции было вполне привычным для основной массы населения. Более сложные и несознаваемые причины этого заключаются в том, что *российское общество сохраняет и воспроизводит себя как бедное (по инерции все еще дефицитное по своим ценностям) общество или общество бедных людей*. Экономический детерминизм оказывается одним из важнейших источников нигилистических представлений о природе человека, внедренных советским марксизмом. Он был идеологической посылкой реформ, проводимых Егором Гайдаром. Советская пропаганда, школа, искусство и литература практически вычеркнули все, что касалось темы свободы, поднятой Февральской революцией, и состояния общества в тот недолгий период. Приоритеты материальных запросов отражают иерархию представлений о ценностях сегодняшнего российского человека, для которого гарантированный уровень потребления оказывается гораздо важнее защиты от властного произвола.

Но такое «экономическое» или «классовое» объяснение причин революции год от года теряет силу (доля разделяющих подобные взгляды сократилась с 66 до 50 %). Наряду с ним укрепляются варианты, акцентируемые и усиленно навязываемые нынешним режимом, в советское время бывшие лишь второстепенным дополнением к базовой версии: «слабость правительства», «слабость власти» (рост за четверть века с 36 до 45 %; по своей значимости эти причины почти сравнялись с «классовыми») и «заговор врагов русского народа» (рост с 6 до 20 %). Первый из этих мотивов отражает страх (реальный или наигранный, используемый для подавления оппозиции) нынешнего руководства перед опасностью «цветных революций». Он – продукт сравнительно недавнего времени, путинского правления, эпохи «стабильности» и

«борьбы с экстремистами» и пр. Второй – очень давний по своему происхождению (он возник в среде монархистов и черносотенцев еще в начале века и был доминирующим у русских эмигрантов после революции 1917 года); сегодня эти варианты интерпретации настоящего и прошлого перестали быть исключительным идеологическим ресурсом политических маргиналов – русских консерваторов и националистов, и постепенно вошли в состав массовых убеждений.

Сливаясь, различные версии, включая и факультативные (политический авантюризм, стихийная агрессия масс и т. п.), задают и поддерживают негативное отношение к революции как хаосу, смуте, дезорганизации, оглуплению, дестабилизации, еще раз напоминая обывателю о тяготах трансформационного кризиса 1990-х годов и связанных с ним процессах социальной дезорганизации и аномии (а также о Майдане и украинском «государственном перевороте»). Тем самым утверждается: чтобы избежать катаклизмов и общих бед, нужна консолидация народа вокруг власти. Такой вывод служит обоснованием политики дискредитации либералов, правозащитных и неподконтрольных Кремлю неправительственных организаций, оправданием манипуляций на выборах, усиления цензуры в СМИ и интернете, убеждению населения в необходимости «сильной руки», способной нейтрализовать «стихийную агрессию толпы» и защитить благомыслящее большинство от «экстремизма политических авантюристов», «пятой колонны», подрывной деятельности «иностранных агентов», «экспорта демократии», призванной пресечь «заговор врагов русского народа», чтобы избежать прежних катаклизмов и общих бед.

Трансформационный кризис 1990-х годов и падение уровня жизни заметно повлияли на сохранение советской трактовки революции (неизбежность и позитивное значение революции в борьбе эксплуатируемых классов за свои интересы и права), усиливая защиту государственно-патерналистских взглядов.

Идеология «стабильности» в стране утверждается от имени большинства населения, воспринимающего себя в качестве жертвы постперестроечной истории, а потому при обращении к прошлому идентифицирующегося с беднейшими классами дореволюционной России. Демагогические заверения в давнем сочувствии и сострадании к обиженным, неимущим, страждущим, беднейшим категориям населения играют роль механизма проективного переноса «тяжелой ситуации революционного кризиса» на самих себя сегодня, выступают в качестве оправдания жалости к себе, а стало быть, предпосылкой понимания текущей ситуации и интерпретации прошлого. То, что эта политика направлена на защиту «большинства», снижает моральное чувство недопустимости государственного террора, тревогу и настороженность перед фактами жестокости государства, притупляет остроту восприятия преступлений советского режима. Революционный террор, из чрезвычайного состояния переходящий затем в постоянные институты массового принуждения, получает здесь как бы инструментальный характер (меньшего зла, издержек), дегуманизируя сам образ жертвы и вытесняя из сознания морально-психологический дискомфорт от знания о репрессиях и уничтожении людей, преступлениях режима. Бесчувственность по отношению к самой практике тотального институционального насилия облегчает идентификацию населения с государством, оставляя за прошлым лишь те значения и смыслы, которые делают его историей «Великого Государства». История (в российском изложении) может быть только державной историей. Все иные подходы к прошлому объявляются очернением или фальсификацией.

Поэтому с приходом Путина к власти историческая политика (как рационализация прошлого, как возможности самопонимания общества, ответа на вопросы: «Кем мы стали?»; «В чем корни и причины периодически повторяющегося срыва или аборта модернизации страны?») оказалась полностью парализованной. Вытеснение значимости исторического знания шло параллельно с мифологизацией прошлого страны и дискредитацией идеи реформ, навязывания населению представлений о чуждости демократии духовным традициям России, особенности ее пути, иллюзорности мечтаний стать такой же «нормальной» европейской страной,

как другие государства, уже завершившие переход от тоталитаризма к современному правовому государству. Вместе с рутинизацией истории в массовом сознании все сильнее утверждалось представление о том, что советский период был не «аномалией» или трагическим разломом российской истории, а органическим продолжением ее традиционного развития. И дело не только в том, что так сильны конформистские мнения («если бы большевики проиграли», то власть все равно перехватили бы другие авантюристы и диктаторы, что могло бы быть еще хуже, чем с Лениным, – этими соображениями оправдывают свой оппортунизм от четверти до трети опрошенных, *табл. 119.2*), а в том, что сторонников демократической перспективы становится все меньше¹⁵. Именно эта безнадежность и неверие в возможность изменения жизни к лучшему, характерные для сегодняшнего российского общества, подталкивают людей признавать, что даже если бы большевики не смогли удержаться у власти, то в условиях полного краха государства все равно ничего хорошего бы не произошло: «вернулись бы Романовы» или «Россия как страна распалась бы и прекратила существовать» и т. п.

Таблица 119.2

Как вы думаете, что произошло бы с нашей страной, если бы большевики не смогли захватить / удержать власть в 1917 году?

	2002 X	2017 III
Была бы восстановлена монархия Романовых	22	19
Власть захватили бы какие-то другие экстремисты, авантюристы, которые принесли бы народам еще больше бедствий	26	32
Страна пошла бы по пути демократии западного типа	22	16
Россию ждали бы распад и утрата независимости	14	14
Затрудняюсь ответить	16	11
Число опрошенных	1600	1600

Подчеркну характерную дробность в ответах на этот вопрос (*табл. 120.2*): она свидетельствует об отсутствии в общественном мнении влияния интеллектуалов – историков, философов, чьи авторитетные суждения могли бы задать общий тон в оценке давних ключевых событий. Путинский режим может существовать только при условии постоянного понижения интеллектуального уровня населения, подвергая цензуре публичное пространство, деятельность СМИ, подавляя возможности публичных дискуссий и свободной конкуренции партий. Сохранение (как и в советское время) почти полной зависимости общественных наук от государства, от колебаний политических интересов власти и идеологической конъюнктуры ведет к изоляции академической и университетской науки от запросов общества. Возможно, правильнее было бы говорить о самоизоляции и оппортунизме историков, социологов, юристов, готовности к обслуживанию режима¹⁶. При отсутствии работы по «преодолению прошлого» (подоб-

¹⁵ За 15 лет число тех, кто полагал бы не только правильным, но и возможным такой вариант политической эволюции, сократилось с 22 до 16 %. Свою роль, помимо долговременных факторов, здесь сыграл эффект патриотической мобилизации и эйфории, вызванной аннексией Крыма и антизападной пропагандой.

¹⁶ Иллюстрацией этого тезиса может служить история с диссертацией В. Мединского, министра культуры (в 2012–2020

ной той, что была проведена немецкими историками и социологами) поднимаются рутинные слои представлений, сформированные в предшествующие периоды.

Поэтому почти половина россиян (48 %) считает сегодня, что Октябрьская революция была неизбежной и сыграла положительную роль в российской истории, не согласны с ними около трети опрошенных (31–32 %), каждый пятый затрудняется ответить. Но если спросить, была ли революция «законной», мнения меняются на противоположные: лишь 35 % оценивают приход к власти партии большевиков как вполне легитимный процесс, 45 % считают захват ими власти «незаконным» актом. Еще большая двусмысленность и противоречивость общественного мнения обнаруживаются, если поставить вопрос так: является ли советская система (сталинизм, хрущевская эпоха, брежневское время), возникшая после смерти Ленина, продолжением революции или она есть отклонение от ее принципов и идеалов? В сентябре 1990 года лишь 16 % опрошенных считали советскую систему «продолжением» и развитием тех задач и целей, которые ставили перед собой большевики партии Ленина; в марте 2017 года доля таких ответов поднялась до 30 %. Иное мнение: практика советского государства далеко «отошла, отклонилась от идеалов революции» – в 1990 году высказывали 65 %, а в 2017-м – только 43 %. При этом заметно, в полтора раза, с 19 до 27 % выросло число затрудняющихся с ответом на подобный вопрос. Разочарование в результатах 70-летнего развития страны не обязательно сопровождается отказом от прежних стереотипов и установок. Эта инерционность – важнейшая характеристика массового сознания стагнирующего общества.

Таблица 120.2

Что принесла Октябрьская революция народам России?

1997–2017	97 X	01 XI	02 X	03 X	04 X	05 X	06 X	07 X	09 X	10 X	11 X	17 III
Она открыла новую эру в истории народов России	23	27	27	20	30	26	30	24	28	29	25	25
Она дала толчок их социальному и экономическому развитию	26	32	33	32	27	31	28	31	29	29	27	36
Она затормозила их развитие	19	18	18	19	16	16	16	17	16	14	19	21
Она стала для них катастрофой	15	12	9	14	14	15	9	9	10	9	8	6
Затрудняюсь ответить	17	11	13	15	13	13	17	19	17	19	21	12
Сумма позитивных высказываний	49	59	60	52	57	57	58	55	57	58	52	61
Сумма негативных высказываний	34	30	27	33	30	31	25	26	26	23	27	27
+ / –	1,4	2,0	2,2	1,6	1,9	1,8	2,3	2,1	2,2	2,5	1,9	2,3

$N = 1600$.

Сохраняющееся двоемыслие (как в массовом отношении к революции, к советскому прошлому в целом, так и к настоящему путинского режима) является следствием неспособности общества дать моральную и социальную оценку советскому государству. Почему – особая проблема. *Принудительная* (как во всяком тоталитарном или несвободном обществе) *идентификация населения с властью* не позволяет людям признать советскую систему *преступной*, поскольку такое признание полностью разрушило бы коллективную идентичность и сложившиеся формы коллективного самоопределения. Не позволяет признать «государственным преступником» даже Сталина, хотя большинство (пусть даже год от года уменьшающееся) вполне сознает тот факт, что государство убивало, морило голодом, лишало прав и средств к существованию, выбора места жительства, работы, семьи десятки миллионов людей. Кажущаяся на первый взгляд абсурдность ситуации заключается в том, что *большую* солидарность с таким государством проявляют как раз те группы, которые в прошлом сильнее пострадали от репрессий и государственного произвола, насилия, унижения: бедная и депрессивная периферия (село, малые города, люди с низким образованием и, соответственно, доходами, родители которых были крестьянами, рабочими), те, кто должны были больше знать о том, как в 1920–1930-е годы проходили реквизиции в селе зерна, продовольствия и крестьянского инвентаря, скота и другого имущества, как обкладывали разорительными налогами в 1950–1960-е годы. Но именно пожилые люди, выходцы из деревни относительно чаще считают, что революция принесла больше пользы, чем вреда, что она была «неизбежной» (хотя и «незаконной»!).

Если обратиться к анализу социально-демографических различий в ответах опрошенных на диагностические вопросы о прошлом, то первое, что бросается в глаза – высокая доля затрудняющихся с ответом, не знающих ничего об истории страны или индифферентных среди молодежи (в среднем 27–33 %, что вдвое больше соответствующих показателей у пожилых людей: 14–17 %). Более высокая доля антисоветских и негативных мнений о последствиях революции, незаконности большевистского переворота или отрицания «исторической неизбежности» революции характерна для людей образованных, занимающих высокие статусные позиции (руководителей, предпринимателей), экономически обеспеченных, москвичей или жителей крупнейших городов, где недовольство действующей властью проявляется сильнее, чем в других социальных средах. Такое отношение к революции у этого довольно размытого или аморфного социального множества в период перестройки было условием поддержки начавшихся изменений (горбачевской перестройки, а позднее ельцинских реформ), поскольку негативное отношение к советскому прошлому было залогом позитивной ориентации на западные модели открытой рыночной экономики, правового государства, демократии. Сейчас этот массив сократился примерно до 25–30 %. Напротив, просоветские взгляды и представления – резидуумы тоталитарной идеологии – сохраняются (то есть воспроизводятся) в социальных группах, обладающих минимальным доступом к институциональным ресурсам культуры, образования, обладающих крайне ограниченными возможностями интеллектуальной рефлексии, памяти, всего того, что позволяет сопротивляться давлению авторитарного государства. Это периферийные во всех отношениях и смыслах слои и группы. Они существенно (и функционально, и культурно) отличаются от центра (населения столицы, мегаполисов, где наблюдается не только максимальная концентрация символических и культурных ресурсов, наивысшая плотность информационных и коммуникационных сетей, образования, доходов, образования и где, стало быть, предполагается высокая способность к рецепции нового, высокий потенциал изменений). Сама длительность государственного насилия в деревне, в малых городах, в поселках городского типа во время коллективизации, войны, послевоенного восстановления изменила массовое сознание большей части населения страны, превратив колхозы и фабрики

в формы нового крепостного состояния, а самих людей в крепостных, не имеющих паспортов, а значит, и свободы перемещения. Такое состояние оказывало гораздо более разрушительное воздействие в социальных средах с низким уровнем образования, куда не доходила плюралистическая современная культура (с ее внутренним сопротивлением, иммунитетом к насилию). В этих социальных средах сочетание административного, фискального, полицейского и идеологического принуждения быстрее ломало жесткий по характеру традиционный уклад и образ жизни. Если учесть, что большая часть населения России – выходцы из разоренных коллективизацией и войной советской деревни и малых городов (свыше 80 % – горожане в первом или втором поколении), становится понятной сила импринтинга такого насилия и следующая отсюда готовность адаптироваться к репрессивному тоталитарному государству¹⁷. Особенности такой ментальности (коллективное заложничество, пассивность, страх, отказ от гражданской активности и ответственности, рутина бедного существования с низким уровнем запросов, доминирование стратегии физического выживания) значимы и по настоящее время¹⁸. Полная и принудительная идентификация с государством уничтожала не только историческую память о государственных преступлениях, но и всякое иное понимание событий прошлого и настоящего, саму идею личного достоинства и ценности человека, разрушала способности к независимой оценке происходящего. От травм прошлого у населения остались лишь рубцы, табу или бессознательно проявляющееся нежелание касаться определенных «опасных» тем и вопросов. Поэтому историческое «беспамятство» молодежи¹⁹, выросшей в ситуации разрыва с прошлым и наступающего исторического провала, ее равнодушие к прошлому и чрезвычайно скудные знания могут рассматриваться как логически объяснимая реакция на практики принудительной идеологической социализации и ментального дисциплинирования общества в советское и постсоветское время. Ее трудно назвать «нормальной», но нельзя отрицать действенность подобных коллективных норм социального контроля. «Забыть все» оказывается более правильным социальным поведением (оно и легче, и комфортнее в условиях школы или информационного давления), чем подвергнуть прошлое рациональному переосмыслению. Поэтому в опросах общественного мнения мы получаем свидетельства странной двойственности массового сознания: сочетания воспроизводства прежних стереотипов и одновременно их размывания, эрозии, но никак не проработки. А это указывает на слабый потенциал возможных социально-политических изменений, новой «революции» или хотя бы протеста против путинского режима.

Ленин как индикатор процессов десакрализации революции

Обратимся к динамике изменений, взяв их в качестве операционального маркера имени = символы, с которыми в массовом сознании населения России связаны различные исторические эпохи.

Таблица 121.2

Назовите, пожалуйста, 10 самых выдающихся людей всех времен и народов

¹⁷ СССР до 1961 года был даже формально страной с преимущественно крестьянским населением, а если принять во внимание образ жизни в малых и отчасти даже в средних городах, то это преобладание крестьянской ментальности сохранялось вплоть до конца 1970-х годов.

¹⁸ Это обстоятельство постоянно подчеркивает в своих работах один из лучших российских демографов А. Вишневецкий. См.: Вишневецкий А. Г.. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. Гл. 2–3.

¹⁹ Индифферентность общества к проблематике революции можно объяснять по-разному, в том числе и демографическими причинами. За четверть века, прошедшую с момента распада СССР, в жизнь вошло новое поколение молодых людей, не имеющих непосредственного опыта советской жизни, тотального характера идеологической обработки населения, а потому равнодушных к символам ушедшей эпохи.

	1989	1994	1999	2003	2008	2012	2017
1. Сталин	12	20	35	40	36	42	38
2. Путин	–	–	–	21	32	22	34
3. Пушкин	25	23	42	39	47	29	34
4. Ленин	72	34	42	43	34	37	32
5. Петр I	38	41	45	43	37	37	29
6. Гагарин	15	8	26	33	25	20	20
7. Толстой Л.	13	8	12	12	14	24	12
8. Жуков	19	14	20	22	23	15	12

В % от числа упоминаний, открытый вопрос, данные ранжированы по последнему опросу; приводятся только те имена, которые названы не менее 12 % опрошенных.

Сильнее всего снизился статус Ленина (в первую очередь как революционера, большевика и теоретика марксизма, автора доктрины «диктатуры пролетариата», инициатора красного террора и гражданской войны, затем – как руководителя первого в мире пролетарского государства, для ныне живущих ассоциируемого главным образом с послевоенным периодом, а именно: с авторитетом одной из двух супердержав, созданной Лениным) (табл. 121.2). С первого места (72 % в последние годы советской власти) Ленин переместился на 4-ю позицию (32 %). Ушли в небытие и все прежние советские идола – Маркс, Энгельс, еще раньше оказались забыты и знаменитые в 1930-е годы деятели времен революции и Гражданской войны в России, подвергнутые принудительному забвению в ходе сталинских процессов, чисток и репрессий. Попытки выдвинуть на их место царя Петра I (насильственно насаждавшего европейские порядки в традиционной, почти византийской России), которые в первые годы институциональных реформ были предприняты российскими либералами, были довольно скоро остановлены – пик символической значимости Петра I, навязывания идеи «революции сверху», приходится на вторую половину 1990-х – начало 2000-х годов. Вместе с имперским вариантом имен с первых мест в национальном пантеоне на второй план оказались отодвинуты и символы российской культуры, науки и образования: Пушкин и Ломоносов, а также знаменитые полководцы и военачальники – Суворов, Жуков, Кутузов и др. Быстро оказались забытыми и политические и моральные авторитеты времен перестройки (Горбачев, Сахаров). Единственным, чей символический капитал непрерывно рос, оказался Сталин, в первые годы редко упоминавшийся среди самых важных деятелей прошлого. После прихода к власти Путина началась тихая, но упорная ресталинизация, и к 2012 году Сталин возглавил список самых значимых великих людей России, конкурируя лишь с Путиным. Речь, разумеется, идет не об исторически реальной личности Сталина, а о возрождении и переработке державного мифа Сталина – победителя во Второй мировой войне и «эффективного менеджера», обеспечившего суровыми методами быструю индустриализацию аграрной и отсталой России.

Изменились не только ранги значимости имен знаменитых в прошлом исторических фигур, изменился и знак отношения к деятелям революционной эпохи, оценка их в общественном мнении (табл. 122.2–123.2). Симпатии ко всем деятелям революции (кроме Сталина)

уменьшились, напротив, выросли антипатия и негативные оценки роли (опять-таки исключая Сталина) Бухарина, Троцкого и других ключевых фигур времен революции, Гражданской войны и утверждения советской власти. В годы перестройки они отчасти виделись как умеренная социалистическая альтернатива сталинскому террору и индустриализации за счет разорения крестьянства, но утратили вместе с идеей социализма всякую привлекательность. Не только Ленин и Дзержинский, но и они сохраняют большую значимость лишь в среде очень пожилых людей, идеологический импринтинг которых пришелся на середину 1960-х годов, когда среди образованного чиновничества была популярна идея реформ и «социализма с человеческим лицом», умершая вместе с подавлением «Пражской весны». То же самое произошло не только с Дзержинским²⁰, но также, по другим данным и материалам, и с Тухачевским, Блюхером, Якиром и другими командующими Красной Армии в Гражданской войне, расстрелянными в 1930-е годы, к которым первоначально общество испытывало явное сочувствие, но по мере распространения знаний об их роли карателей во время крестьянских восстаний 1920-х годов отвернулось от них.

Таблица 122.2

Кто из времен революции вызывает у вас наибольшую симпатию?

	1990 X	1997 X	2002 X	2007 X	2017 III
Ленин	67	28	36	27	26
Дзержинский	45	25	28	21	16
Бухарин	21	13	9	7	10
Троцкий	15	5	8	4	4
Махно	8	3	4	6	2
Сталин	8	15	22	15	24
Николай II	4	17	18	11	16
Керенский	3	4	4	3	2
Колчак	3	8	8	7	16
Милюков	2	1	1	1	2
Затруднились ответить	12	26	19	37	38

N = 1600. Ответы ранжированы по первому замеру.

Таблица 123.2

²⁰ Популярность Дзержинского объясняется последовательной практикой «очеловечивания», «гуманизации», «утепления» его образа фанатичного и жестокого руководителя ВЧК, борца с детской беспризорностью, созданного уже после его смерти советской пропагандой, кинематографом и вошедшего в школьные учебники и популярную литературу. Поэтому отношение к нему всегда было позитивным, симпатию высказывали 45 %, но к 2017 году доля таких мнений сократилась до 16 %, правда, показатели антипатии не изменились. Это указывает на устойчивую, хотя и незначительную величину группы людей, более или менее знакомых с литературой о деятельности репрессивных органов большевистской власти.

Кто из деятелей времен революции вызывает у вас наибольшую антипатию, неприятие?

	1990 X	1997 X	2002 X	2007 X	2017 III
Сталин	49	36	30	29	21
Колчак	22	12	15	9	7
Махно	19	22	26	11	21
Керенский	19	12	10	8	9
Троцкий	10	13	10	13	17
Николай II	10	7	6	4	5
Ленин	5	12	11	11	13
Миллюков	5	3	3	2	3
Дзержинский	4	6	6	7	6
Бухарин	3	4	3	3	5
Затруднились ответить	25	25	26	42	39

N = 1600. Ответы ранжированы по первому замеру.

За 27 лет – с 1990 по 2017 год – заметно выросла доля затрудняющихся с оценками революционных деятелей (с 12 и 25 % до 38–39 %). Это объясняется не только тем, что пришло поколение, равнодушное к старым идеологическим спорам о катастрофе 1917 года, но и сменой акцентов в идеологической работе репродуктивных институтов (в массовой школе, в университетах) и в установках кремлевской пропаганды и зависимых от власти СМИ. Эти изменения можно назвать «консервативным поворотом», нейтрализовавшим или подавившим прежние советские стандарты легитимации власти (революция и социализм) и открывшим путь для реставрации имперских и антиреволюционных представлений, заимствованных из антибольшевистской среды. Об эффективности этой политики можно судить по росту симпатий к царю Николаю II и генералам, возглавлявшим антибольшевистское движение после революции (диагностическим именем здесь оказывается адмирал А. Колчак, верховный главнокомандующий русской армией, боровшийся против советской власти и казненный большевиками в 1920 году)²¹. Но одновременно нужно говорить и о смене акцентов в отношении к

²¹ Доля симпатизирующих и сочувствующих Николаю II выросла с 4 % в 1989 году до 17–18 % уже в конце 1990-х годов, и одновременно снизилось выражение презрения и антипатии, характерные для всего советского времени (табл. 122.2–123.2). Этот эффект следует отнести не только к его прославлению РПЦ (в 2000 году царь был причислен к лику святых и признан мучеником и страстотерпцем), но и к изменению отношения к императорской фамилии российских властей. Еще во времена правления Ельцина власть и церковь начали пытаться установить преемственность постсоветской России с дореволюционной, «найти в этом национальную идею». О Колчаке снят художественный фильм, получивший весьма одобрительный отзывы и хорошую зрительскую аудиторию. В центре фильма были годы Первой мировой и Гражданской войны, хотя Колчак стал известен до этого, прежде всего как океанограф и полярный исследователь, а также как удачный флотоводец, военный и мор-

символическим фигурам советского пантеона: Сталин (за этим – комплекс представлений о победе в войне, великой державе, «эффективной» модернизации) постепенно оттеснил Ленина (основателя первого в мире пролетарского государства, лидера революционной партии большевиков, теоретика марксизма). Нейтрализованными в данном случае оказались именно значения, связанные с массовыми репрессиями, государственным насилием, истреблением крестьянства, гибелью людей от голода и нужды, цены победы и форсированной модернизации.

Наиболее характерные и часто повторяющиеся в опросах представления о Ленине и его роли в истории XX века сводятся к следующим социальным стереотипам:

1. основатель советского государства (в среднем за последние 20 лет такое определение давали 29 %, в общей структуре представлений о Ленине доля таких мнений снижается, но снижается незначительно);

2. вождь пролетариата (18 %, и эта цифра не меняется со временем), великий мыслитель (11 %);

3. расчетливый и циничный политик, рвущийся к власти, политический авантюрист (удельный вес таких мнений снижается с 19 до 6 %);

4. жестокий диктатор (снижение с 12 до 6 %); политик, проводящий антирусский курс, не понимающий России и не любящий ее народ (устойчивые 3–5 %).

То, что негативные установки по отношению к лидеру партии большевиков и первому председателю советского правительства снижаются, означает, что уходит поколение диссидентов и близких к ним представителей образованных кругов, часть которого была держателем антисоветских, антимарксистских установок и представлений. Такого рода взгляды составляли тот фактический результат (при всей его мизерности) работы по продумыванию и осмыслению советского прошлого, который только и стал возможным в постсталинские годы. Но оказалось, что эти итоги не смогли быть переданы другим группам в 1990-е годы, а сегодня – что особенно важно – молодым людям, которые абсолютно равнодушны к этой тематике.

Но общее отношение к Ленину во все большей степени становится безразличным. Сказывается отсутствие интереса к советской истории и значимости революции. На вопрос: «Как вы в целом относитесь к Ленину?», доля позитивных ответов (с уважением, симпатией, восхищением) снизилась за последние 16 лет (2001–2017 годы) с 60 до 44 %, доля негативных ответов (с неприязнью, со страхом, с отвращением) не изменилась и составила в среднем 12 %, однако, число индифферентных увеличилось с 30 до 46 %, даже превысив удельный вес «уважающих» его. У людей 20–40 лет (то есть родившихся или вошедших во взрослую жизнь уже после краха СССР) это отношение оказывается преобладающим, оно составляет основу восприятия прошлого: 53–54 % говорят, что Ленин их не интересует, он им безразличен. В Москве (чуть меньше в других мегаполисах) об этом заявляют 50 %, в провинции – примерно 40 %. Доминирующее отношение к Ленину сводится к следующему: «Память о Ленине сохранится в истории, но никто уже не пойдет по его пути» (в среднем удельный вес таких мнений составляет 35–36 %), и в другом, чуть более категоричном варианте: «Никто, кроме историков, не будет вспоминать о нем» (это мнение разделяют от 25 до 35 %, в среднем по разным замерам 26 %, пик приходится на 2005–2007 годы).

Таблица 124.2

Как, по вашему мнению, будут вспоминать Ленина лет через 40–50?

ской министр. То, что такое отношение к антибольшевистским деятелям не случайность, а отражение определенных сдвигов в общественном сознании, происходящих в ходе поисков новой легитимности российской власти, подтверждают и данные опроса 2005 года, свидетельствующие о росте позитивного отношения к генералу Деникину – одному из организаторов Белого движения, рисуемого советскими пропагандистами, писателями, кинорежиссерами в самых черных красках. См.: Общественное мнение – 2005. С. 181. Табл. 23.47.

	1995 IV	2000 IV	2005 IV	2006 IV	2010 IV	2011 IV	2013 III	2017 III
Никто, кроме историков, не будет о нем вспоминать	25	36	41	32	45	39	31	35
Как об основателе советского государства	30	34	26	29	30	27	28	25
Как о вожде, для которого на первом месте стояли интересы трудящихся	17	18	20	18	16	19	17	20
Как о великом мыслителе, верно предвидевшем будущее	10	11	12	13	9	12	13	12
Как о расчетливом политике, сумевшем навязать свою волю огромной стране	19	13	14	12	9	10	9	8
Как об удачливом политическом авантюристе	12	6	6	8	8	6	7	6
Как о жестоком диктаторе, готовом жертвовать жизнями миллионов	12	7	9	8	6	5	5	5
Как о человеке, который не понимал и не любил Россию	5	2	5	4	3	3	2	3
Затруднились ответить	14	8	5	7	7	8	9	10

N = 1600. Респонденту предлагалась карточка; множественный выбор.

Чем старше опрошенные, тем более уважительным является их отношение к Ленину (у людей в возрасте от 18 до 40 лет – 36–34 %, у людей старше 55 лет – 57 %). Негативизм не растет: и среди молодых, и среди пожилых людей доля антипатий к Ленину составляет 9–11 %, (максимум негативных суждений приходится на перестроечное поколение россиян 40–55 лет, но и здесь этот показатель не поднимается выше 15 %). Традиционное почитание Ленина намного чаще встречается в провинции, в селе или малых городах, чем в столицах (соответственно, 54 и 25 %), а негативное отношение фиксируется скорее в Москве (25 %) и других крупных городах, а не в провинции (7 % в малых городах, 2 % в селах). Советская идеологическая конструкция истории медленно размывается, но не исчезает окончательно. Тоталитарная (революционистская) идентичность сохраняется в группах, обладающих наименьшими интеллектуальными и смысловыми ресурсами для рационализации своего состояния, более жестко определяемых инерционностью прежних институциональных рамок. Социальная периферия, бедная во всех отношениях, гораздо сильнее и прочнее удерживает прежние определения реальности и истории.

Слом советских символов приходится на конец 1990-х годов. Это время разочарования в возможностях быстрой модернизации страны и интеграции с Европой, краха надежд на резкое повышение материального благосостояния после отказа от советской власти и одновременно окончательного расставания с социалистическими идеалами и марксистской идеологией. Но при этом сомнений в моральности ленинской политики или в силе догматической веры в правильность его курса у россиян не возникает. Мнение (более характерное прежде всего для сторонников компартии): «Ленин пытался опираться на лучшие помыслы и надежды людей, чтобы вести их к светлому будущему» – в 1998 году в целом разделяли 28 % (в 2017 году – 19 %). Оно отчасти оправдывается инерцией полученного образования и убеждением в том, что именно Ленин, основоположник советского государства, «вывел нашу страну на путь прогресса и справедливости» (в среднем за эти годы так считают 20 %). Если принять это отношение к Ленину за символ значимости советской идеологии, то можно сказать, что к настоящему времени в явной форме советский комплекс представлений о революции и последующем развитии сохранился у не более чем 20–25 % населения, став лишь одним из идеологических потоков, определяющих коллективную идентичность.

Чистых фанатиков коммунистической идеологии, верующих в Ленина как пророка грядущей победы коммунизма во всем мире или мессию светлого будущего, считающих, что идеи Ленина всегда будут «освещать людям дорогу к лучшей жизни», с течением времени становятся все меньше; они превращаются в маргинальную партию или догматическую секту (их численность в последние годы не превышает 6–7 %). Перспективы у них нет, поскольку характерная для 1960-х годов апологетика Ленина разрушается гораздо быстрее (число тех, кто полагает, что «идеи Ленина были искажены его последователями», снизилось с 37 % в середине 1990-х годов до 21 % в 2017 году). Резидуумы революционно-романтического оправдания Ленина («Ленин ошибался в своих ожиданиях относительно революции и коммунизма») точно так же сократились с 21 до 10–11 %.

Но и критическое неприятие утопии Ленина («Ленин повел нашу страну по ложному пути, и это стало причиной многих несчастий и бед») в среднем за эти годы не увеличилось (такие суждения о нем высказывают 15–19 %), что указывает на слабость либеральных или даже демократических позиций. Трактовка Ленина как диктатора, подчеркивание аморальности его политики тоже становятся все менее распространенными (согласие с мнением, что «Ленин был жестоким человеком, который с помощью насилия пытался преобразовать страну», снизилось с 14 до 7 %)²².

Путь, который проходит общественное сознание в своих попытках не столько «осмыслить», сколько избавиться от соблазнов коммунизма (равно как и от оппортунистического нежелания ничего не менять, когда не менять уже невозможно), можно описать как движение от преклонения и обожествления лидеров революции, сакрализации власти к начавшемуся уже в эпоху застоя ерничеству и циническому снижению идей революции, освобождению без расколдовывания прежних смыслов, плебейской игре с символами и ценностями, занимавшими в прошлом место «высоких идеалов». Не случайно, в среде молодежной субкультуры оказывается столь популярной версия С. Курехина «Ленин – гриб»²³. Поэтому мы можем говорить об уходе или эрозии идеологических систем тоталитарного государства 1930–1960-х годов, но не об осмыслении самих процессов, приведших к формированию тоталитарного господства и «советского человека». Для рационализации и извлечения уроков из истории (если такое вообще возможно) не оказалось ни интеллектуальных средств, ни социальных сил

²² Из немногочисленных новейших работ или дискуссий о фигуре Ленина можно привести монографию: *Котеленец Е. А.* Битва за Ленина. Новейшие исследования и дискуссии. М.: АИРО-XXI, 2017.

²³ «Ленин – гриб» – телевизионный сюжет-мистификация, подготовленный музыкантом Сергеем Курехиным и журналистом Сергеем Шолоховым и впервые показанный в январе 1991 года в телевизионной передаче «Пятое колесо» по ленинградскому телевидению.

– моральных, концептуальных, политических²⁴. Поэтому наиболее адекватными тому состоянию, в котором находилось и находится российское общество, можно считать рутинизацию, вытеснение прошлого и забвение того, что еще вчера считалось высоким, значимым, «святым». Но так как картина исторической реальности, причин, мотивов социального действия в прошлом остается непонятой и неосмысленной, она бессознательно воспроизводится в установках к базовым институтам, прежде всего – к институтам власти и к самим себе.

Итог – примитивизация представлений об обществе и иммунитет по отношению к обвинениям советской власти в насилии и произволе, неэффективности, колхозном рабстве, квазиморальное оправдание безальтернативного тоталитарного режима господства. Невозможность для основной части населения признать этот внутренний конфликт оборачивается резким ограничением умственного (исторического) горизонта и отсутствием средств для понимания настоящего, а значит, подавлением мотивации к изменениям и к сознанию, что вообще сделать ничего нельзя, невозможно, остается один путь, одна жизненная стратегия – приспособляться и терпеть, стараясь выжить или дожить до лучших времен. Лучше всего эту готовность к оппортунистической пассивности показывают распределения ответов на проективный вопрос, как бы себя повели нынешние респонденты в условиях 1917 года.

Относительное большинство опрошенных в 1990 году в той или иной мере поддерживали бы большевиков («активно» – всего четверть респондентов) или пошли с ними на сотрудничество. Но через 27 лет удельный вес лояльных коммунистам граждан сократился почти вдвое (с 49 до 28 %). Доминантной формой поведения оказалась пассивная тактика *выжидания и неучастия* (с 12 % доля таких ответов выросла до 33 %; а если к ним добавить тех, кто «затрудняется с ответом» и уходит таким образом от выбора позиции, то мы получим, что в 2017 году их абсолютное большинство – 51 %) или *эскапизм* как наиболее рациональная стратегия поведения. Правильнее было бы называть такое поведение «стратегией физического выживания». Признаки активного выбора или политического поведения (как «за большевиков», так и «против них») демонстрирует очень незначительные группы (12 % и 6–8 %, соответственно). Иначе говоря, преобладают установки на пассивную адаптацию (пусть неприятности будут у кого-то другого, меня это не касается, я-то против властей не бунтую и «не выступаю»).

Политика стерилизации истории, идущая «сверху», так или иначе принимается и поддерживается населением, получая в «низах» свои собственные оправдания. Мнения опрошенных относительно пользы и важности знания о революции 1917 года фактически разделились на две части: одни заявляли, что «нужно двигаться вперед и не ворошить старое»; надо забыть то, что происходило в годы революции и Гражданской войны, поскольку «вреда от изучения истории тех лет нет, но и нужды в нем тоже не ощущается» (так думают 56 %). Другие все-таки считают, что нужно больше знать об этом периоде, «чтобы не повторять ошибок прошлого» (их несколько меньше – 44 %). Но существенно, что среди молодых и более приспособившихся, успешных и обеспеченных групп преобладает нежелание что-либо знать о прошлом страны, а это значит, что история в ее худших вариантах может повторяться.

Таблица 125.2

Представьте себе, что Октябрьская революция происходит на ваших глазах. Что бы вы сделали?

²⁴ О роли научного сообщества: «В новейшей историографии революции констатируется общее недоверие к теории, стремление уклониться от решения общих вопросов <...> В результате в современной российской историографии мы имеем постоянный “конфликт интерпретаций”: доказательное знание подменяется идеологическими схемами интерпретаций <...> эта историография не предлагает новой методологии, во многих отношениях остается в плену старых советских стереотипов, воспроизводя их с помощью иного понятийного инструментария» (Медушевский А. Н. Политическая история русской революции. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С 12–14). «Автор убедился <...> в консерватизме и практической неререформируемости российской академической бюрократии» (Там же. С. 27).

	1990	1997	2001	2002	2003	2004	2005	2007	2011	2017
Активно поддержал бы большевиков	23	15	22	23	19	15	17	17	14	12
Кое в чем сотрудничал бы с большевиками	26	16	19	20	16	18	17	13	17	16
Боролся бы против большевиков	5	7	6	8	9	8	7	6	6	8
Постарался бы переждать это время, не участвовать в событиях	12	27	24	28	22	26	28	23	24	33
Уехал бы за рубеж	7	15	13	16	14	15	14	18	14	14
Затруднились ответить	26	18	15	5	21	19	17	24	25	18
Поддерживающие большевиков	49	31	41	43	38	33	34	30	31	28
ПАССИВНЫХ	19	42	37	44	36	41	42	41	38	47
+ / -	2,6	0,7	1,1	1,0	1,0	0,8	0,8	0,7	0,8	0,6

N=1600, ответы ранжированы по первому замеру; все замеры проводились в октябре соответствующего года, в 2017 году – в январе.

Особенность массового исторического сознания

Подобная гетерогенность сознания «обычного человека» – это не просто непросвещенность или недоработки, недостаточная эффективность пропаганды, институтов социализации и контроля, это еще и тактика адаптации к внешнему давлению, чужим для его жизненного мира вызовам и требованиям, опыт приспособления к репрессивному государству. Откликаясь на одни лозунги и призывы власти и проявляя равнодушие к другим, «обычный человек» не торопится поддакнуть или принять их. Часто он просто не может быстро (то есть в соответствии с «задачами момента») трансформировать то, что относится к средствам коллективной идентичности (самоопределению), в мотивы практического действия. Задержки в рецепции или колебания, проявляемые в следовании идеологическим требованиям режима, равно как и накопленный опыт институционального и межличностного недоверия обеспечивали (и отчасти продолжают обеспечивать) ресурсы массового выживания в условиях тотального идеологического государства. Но социальная инерция – лишь одна из причин массового национального консерватизма, фобий нового, служащих механизмами подавления общественной эволюции.

Массовое сознание – это агломерат, эклектическая, с точки зрения специалиста, смесь мифов, стереотипов, предрассудков, рутинных представлений «обычного» человека («такого, как все»), то есть не принадлежащего к элитной группе профессиональных историков, исследователей или преподавателей, обладателей специальных знаний и компетенций, полученных в ходе длительного специализированного обучения. Мотивы деятельности специализированных групп (элит) сводятся либо к увеличению имеющегося знания, либо к ретрансляции его другим поколениям, либо к обслуживанию власти, историческому оправданию проводимой политики. Во всяком случае, они принципиально отличаются от взаимоотношений с «историей» «обычного человека», определяемых предоставляемыми ему публично образами интерпретаций коллективного прошлого. Здесь нет любопытства, нет желания разобраться, «как это было на самом деле». Состав (содержание) массовых представлений включает остатки школьного образования, продукты СМИ, пропаганды, «тайных» версий политических событий, конфигурируемых под давлением специальных организаций – социальных институтов, определяющих нормы и границы поведения диффузного множества «обычных людей». Люди подставляют свое видение действительности и свои проблемы настоящего под схемы интерпретации прошлого, наделяя исторических персонажей своим разумением, интересами, иллюзиями и комплексами. «История» здесь служит средством обеспечения нескольких функций: *социальной идентификации* (кто мы, откуда мы, каково происхождение наших установлений – государства, образа жизни, ритуалов, воскрешающих смысл генезиса и ценностей общности «мы есть»), а

значит – функции *демаркации*, установлению барьеров и отличий от всех тех, кто не «мы» – чужих, врагов, границ нашего мира. И, наконец, *функции адаптации*: на что мы можем надеяться, исходя из того, что было вчера, и стало быть, рамок возможного, которые определяют наше проблематичное «настоящее»; другими словами – к чему мы можем приспособиться (а не «чего мы хотим»). Надежды в данном плане означают не рациональные расчеты и планирование собственных действий, а перенесение в завтрашний день иллюзий дня вчерашнего, нереализовавшиеся ожидания действий тех сил, от которых зависит существование обычного человека в настоящем²⁵.

Другими словами, массовое «историческое сознание» всегда определено силовым полем коллективных упований, комплексов, предрассудков, разочарований, фобий, привязанных к тем или иным легендарным героям, на которых спроецированы нереализованные желания и страхи. Здесь нет четко расчерченных схем последовательно сменяющих друг друга «этапов» или фаз развития, излагаемых в школьном преподавании, стадий прошлого, скорее тут можно обнаружить рядоположенные слои или конфигурации символических значений, медленно меняющихся в зависимости от общественной конъюнктуры или смены властных группировок, идеологических кампаний и пертурбаций, инерции или изменений репродуктивных институтов.

Подведем итоги

Если принять трактовку революции Ханны Арендт как освобождения от старого режима и основания нового социального порядка, институционализацию свободы²⁶, то придется признать, что эволюция российского общества в постсоветский, посттоталитарный период сопровождалась систематическим вытеснением смыслового и ценностного содержания революционных событий 1917 года, причем, что важно, делали это политики с разными идеологическими взглядами. Интерес к 100-летию русской революции за рубежом проявляется сильнее, чем в самой России, если судить по множеству международных научных и университетских конференций, проходящих в разных странах. Историки, политологи, философы анализируют радикальные социальные изменения, произошедшие в мире после 1917 года, вызовы, следовавшие после появления советского тоталитарного государства и международного коммунистического движения. В России не так.

Ряд особенностей российского массового исторического сознания связан с незавершенностью модернизационных трансформаций и сопротивлением им, в общем виде – с неспособностью России сформировать современные цивилизационные (правовые, политические) институты. Причины носят системный характер, хотя конкретное их проявление и действие обусловлено всякий раз своеобразной композицией сил, структурой власти и околотовитных элит. Поэтому одни факторы имеют более продолжительный характер (обусловленные самой длительностью идеологического воздействия тоталитарной системы), другие – ситуативные детерминанты. Пример первых – характер массовой социализации (включая специфику школьного преподавания истории, построенного на базе сталинского «Краткого курса»), вторых – социальный контроль в публичном пространстве: выступления политиков, депутатов, чиновников, «академических ученых», цензура в СМИ и текущая пропаганда, то есть

²⁵ Левада Ю. А. Ищем человека... С. 248.

²⁶ Арендт Х. О революции. М.: Европа, 2011. Следуя за Арендт, мы можем (должны) рассматривать революцию как разрушение самодержавия или как освобождение от старого порядка (первый период) и как точку отсчета или основание нового общественного порядка (второй период). Проблемы возникают как раз в связи с вопросами «свободы», поскольку установившийся после революции порядок меньше всего может трактоваться как свобода. Сами основатели советского государства говорили не о свободе, а о диктатуре как условии строительства нового государственного порядка, в рамках которого уже затем могло формироваться и выращиваться принципиально новое общество.

внесение соответствующих добавок, пояснений, интерпретаций в основную схему «державной истории» или иллюстративной мифологии российской империи. Подавление открытой политической конкуренции при Путине было нацелено на сохранение властных позиций элитой, вышедшей из недр секретной политической полиции (советского КГБ), а стало быть – не просто установлением контроля над СМИ, но и реставрацией, хотя и неполной и избирательной, той идеологии и воззрений, которые были в ходу в позднебрежневское время, когда марксистско-ленинская фразеология была прикрытием русского имперского или великодержавного национализма. Усиление в последние годы этой риторики сопровождалось вытеснением из общественного информационного пространства альтернативных многообразных интерпретаций отечественной истории и разрывом между группами специального знания и массовым сознанием.

В этом плане сама по себе структура представлений о прошлом воспроизводит характер легитимации власти в обществе, не имеющем правовых и институциональных механизмов смены власти. Отсутствие возможности политического целеполагания, свободной рефлексии и общественного обсуждения будущего, приоритетов национального развития и средств их достижения оборачивается тем, что будущее (время надежд и ожиданий) моделируется по образам желаемого, но неосуществленного прошлого, утопии не будущего, а нереализованных надежд и иллюзий позавчерашнего дня. «Вчерашнее» прошлое воспринимается как тяжелейший кризис, чуть ли не катастрофа, к которой привели ошибочные или преступные действия вождей и правителей, «сегодняшнее» настоящее – проблемное, непонятное и неопределенное состояние, промежуточное по типу его восприятия, то есть осознаваемое как переходное к чему-то иному, что может быть либо хуже, либо лучше настоящего, а потому надо вернуться назад, к идеальным исходным образцам, чтобы продолжить прервавшийся по тем или иным причинам ход событий. Другими словами, желаемое прошлое, к которому апеллирует массовое сознание, не выходит за пределы Нового времени и предстает как набор альтернативных оценок предшествующих стадий российской модернизации (правительственно-бюрократической второй половины XIX века, революции, короткого и неясного момента НЭПа, сталинской модернизации, хрущевских метаний и критики культа личности, брежневского застоя, перестройки, ельцинских реформ и путинской «стабилизации»). Периоды выделяются по номинальному главе правления, а значит – по характеру надежд, связанных с тем или иным персоналистским образом патерналистского государства, и последующими разочарованиями в нем. Такого рода контаминации исторических эпизодов препятствуют или делают невозможными ни аккумуляцию исторических знаний, ни систематическую рационализацию исторического процесса или понимание природы российского деспотизма. Поэтому чем дальше мы отходим от времени перестройки и краха советской системы, тем все более метафизическим и аморфным представляется прошлое «тысячелетней» России, лишенное какой-либо смысловой структуры – конститутивных или переломных событий, ставших символами институциональных или культурных изменений. Всего 3 % респондентов отсчитывают историю современной России с революции 1917 года, еще меньше – с распада СССР или провозглашения суверенитета РФ. Чем более мифологическим представляется населению прошлое своей страны, тем более авторитарной и жесткой оказывается вертикаль власти, легитимируемая мистическим «величием государства», а не идеями представительства, ответственности и права.

На этом фоне самый символически значимый период – революция 1917 года и становление *советского* государства – полностью утратил свое значение. Сегодня о своем интересе к истории революции говорят лишь 13 % опрошенных. В основном это бывшая интеллигенция из крупных провинциальных городов, в меньшей степени – из Москвы, люди зрелого возраста, часто пенсионеры, пытающиеся понять корни и природу советского тоталитаризма и его последствия для нынешней России. Они же больше, чем кто-либо, интересуются периодом 1930–1950-х годов: временем Большого террора, массовых репрессий, сталинской индустри-

ализации и превращения СССР в одну из двух супердержав. Среди них много представителей государственной бюрократии и предпринимателей, служащих, но очень мало молодежи. Поэтому неизбежным в таких ситуациях оказывается появление идеи прошлого как мифа непрерывности или бесконечности существования системы господства, в виде своего рода идеи мистического тела «тысячелетней России», а следовательно, исчезновение специфических представлений о социальной системе прошлого, настоящего и будущего, понимание особенностей ее социальной структуры и изменений, плюрализма сословных или групповых различий и интересов. Иначе говоря, воспроизводится сознание гомогенизации общества («Единой России»), одномерности социального состава страны, объединенной лишь властью (тотальным по своей природе «государством»). Это представление не было характерным для советских учебников истории, там были понятия формации, сословий, различия классовых интересов, специфики российской государственности на разных фазах ее исторического существования. Сегодня все это стерлось и осталось, по существу, лишь тоталитарное представление об обществе и истории. Истоки государства уходят в мифологическое прошлое, становящееся полем вечной борьбы с врагами, включая бывшие «братские» народы, вроде населения Прибалтики, Польши или теперь – Украины, с которой идет война – в прямом смысле и переносном, символическом плане – за Киев как «мать городов русских», где имело место крещение Руси и откуда берет свое «сакральное» начало русская история.

Апелляция к мифологическому прошлому, с социологической точки зрения, равнозначна признанию безальтернативной значимости вертикальной структуры общества, то есть конститутивной функции власти, иерархического устройства социума, признанию приоритетности коллективных значений целого, символически представленного в фигуре властителя (монарха, деспота, вождя, президента и т. п.) и малоценности и факультативности, зависимости подданных – отдельного человека или меньшинства, социальной группы и т. п. Кроме того, образуется представление о социальной однородности и тотальном единстве страны, лишенное идеи социальной сложности, дифференцированности, плюрализма классов, сословий, групп с собственными и интересами и культурной автономией. Поэтому нынешняя смазанность субъективных маркировок социального статуса, групп, социального положения (80–83 % опрошенных относят себя к «среднему классу») не случайна, а обусловлена отсутствием сознания самодостаточности, самооценности, оснований для самоуважения и требований учитывать свое достоинство. Подобная примитивность культуры (образов социального целого, социальной структуры, отсутствия влиятельных функциональных элит) – производное от идеологии «единства нации», «одной Родины, одного народа».

Осознание значения истории и интерес к ней возникают только из духа сложного общества, в конфликтах и борьбе разных групп, из потребности гражданского общества в самопонимании, из поиска ответов на вопросы: кто и откуда мы, и почему дело обстоит так, а не иначе. Но ни таких вопросов, и тем более ответов на них не возникло. За 25 лет постсоветской жизни в российском обществе не появилось ни одной новой идеи, касающейся политической или культурной жизни. То же самое можно повторить и о сфере массовых исторических представлений. Никаких новых взглядов на свое прошлое, на революцию или сталинский период здесь не возникло. Подобное состояние – результат систематического подавления публичной жизни, происходящей при путинском правлении, «институционализация кризиса», возникшего после распада СССР и конца советской системы. Уничтожение истории – условие восстановления авторитарной системы.

Образ Сталина в общественном мнении России: структура тоталитарного символа²⁷

Предварительные замечания

Риторическое обращение нынешних российских политиков к Сталину как эталону государственного деятеля и не менее частое представление самой сталинской эпохи в качестве примера форсированного развития страны²⁸ следовало бы расценивать прежде всего как свидетельство невежества и цинизма российского политического класса, но ограничиться подобными оценками нашей «элиты» не позволяет резонанс, который получают их выступления в обществе. Речь при этом идет не об историческом Сталине. О нем знают мало, поскольку историческое знание для большинства обывателей недоступно и не представляет особого интереса. «Сталин» в сегодняшней России – это реквизит политической мифологии, используемой как кремлевской администрацией для компенсации слабой легитимности нынешнего режима, так и коммунистами, позиционирующими себя в качестве оппонентов действующей власти.

Как и другие «мифы XX века», комплекс представлений о Сталине не имеет ничего общего с традиционными космогоническими или героическими верованиями, воспроизводимыми в племенных ритуалах, или фольклорными легендами, объясняющими происхождение институтов. Сталинский миф – продукт бюрократической работы, прежде всего – массовой пропаганды. Для понимания его действенности важно не его правдоподобие, а частота повторения, играющая роль аналога группового ритуала или государственного церемониала, посредством которых многократно повторенные суждения превращаются в стереотипы или клише массового сознания. Подобные символы существуют не потому, что в них так уж нуждаются и верят массы, а потому что к ним постоянно апеллируют различные влиятельные политические силы, которые, руководствуясь своими интересами, навязывают их обществу.

Политические мифы управляют не отдельными фактами или аргументами, а целыми риторическими контекстами²⁹. Так, имя «Сталин» объединяет разнородные представления о стиле руководства страной, характере общества, отношениях с другими странами, оно поддерживает связанность времен и упорядоченность массовой идентичности, задает определения «реальности» и ориентиры национального развития. Структура мифологемы «Великий Сталин» включает следующие цепочки представлений:

²⁷ Статья написана в 2017 году. В данной статье представлены результаты социологических исследований, проводившихся с 1989 по 2017 год коллективом «Левада-Центра». Все приводимые ниже данные опросов общественного мнения получены по общенациональным репрезентативным выборкам, отражающим структуру российского населения по основным социально-демографическим характеристикам (пол, возраст, образование, этнический состав, типы поселений, занятость и т. п.). Все опросы, касающиеся данной тематики – отношения к Сталину, репрессиям и тому подобные проводились в порядке собственной инициативы «Левада-Центра» (не были заказными) и финансировались из его собственных средств. Распределения приводятся в процентах к числу опрошенных.

²⁸ Пример такого рода – выступление Путина на заседании Совета Безопасности в октябре 2012 года. Он заявил: «Нужно совершить такой же мощный комплексный прорыв в модернизации оборонных отраслей, как это было в 30-е годы прошлого века» (URL: www.gazeta.ru/politics/2012/08/31_a_4747493.shtml; см. также: URL: <http://globalconflict.ru/analytics/5276-putin-xochet-modernizaciyu-kak-u-stalina>).

²⁹ Д. Гросс подчеркивал, что мифы – это объективации воззрений и верований группы; они не могут быть ни истинными, ни ложными (поэтому их нельзя опровергнуть), а также быть представленными в детализированном виде (разделенными на части), их назначение быть значимыми, быть образами действия (*action-images*). См.: Gross D. Myth and Symbol in Georges Sorel // *Political Symbolism in Modern Europe*. N.Y.; L.: Transaction, 1982. P. 104–105.

1. Сталин и аппаратные интриги, борьба за власть с «ленинской гвардией», старыми большевиками, соратниками Ленина; Сталин и уничтожение внутрипартийной оппозиции как условие единства власти, необходимого для успешной индустриализации и коллективизации.

2. Сталин и триумф Победы в Великой Отечественной войне, Сталин и раздел послевоенной Европы, выход СССР на международную арену в качестве ядерной супердержавы.

3. Сталин и становление великой державы, апология массового террора как экстраординарных мер и неизбежной платы за стремительное развитие страны; утверждение, что только такими методами можно было сохранить страну, нацию от уничтожения, которым грозила война с Германией; террор в этих условиях следует считать единственным эффективным средством принудительной мобилизации и модернизации.

4. Сталин соединил техническую модернизацию с социальной контрмодернизацией, что стало причиной последующего в 1970-е годы застоя и далее – краха коммунизма.

5. Сталин – параноидальная личность, маньяк и садист, его личностные черты определили особенности репрессивной организации государства и общества, жертвами которой стали миллионы невинных людей, разоблачение культа личности на XX съезде КПСС не означает признания ошибочности политики партии и советского руководства.

6. Сталин – воплощение национальной славы России, эффективный менеджер, обеспечивший превращение отсталой страны в одну из двух мировых супердержав, все его ошибки и перегибы не могут заслонить достоинств великого государственного деятеля, создавшего огромный блок стран соцлагеря, противостоящего Западу и т. д.

Список элементов и составляющих этого мифа принципиально открыт, он допускает включение любых других компонентов, ставших актуальными в какой-то социально-политической ситуации (тематическими они могут быть любыми: нужда в вожде, мудрость власти, отец нации и защитник русской идеи, органическая структура социума, враги и вражеское окружение, романтический энтузиазм строителей нового общества и пр.). «Величие Сталина» представляет собой довольно сложную смысловую композицию, фиксирующую ключевые ценностные моменты навязываемой обществу структуры массовой идентичности мобилизационного, закрытого и репрессивного социума, нацеленного на подавление процессов структурно-функциональной дифференциации и утверждение автономности отдельных институтов. Эти представления транслируются, уже не будучи привязанными собственно к персоне Сталина, а воспроизводятся через весь контекст интерпретаций актуальных событий героического прошлого, легенды советского государства, ее важнейших моментов (войны, формирования сверхдержавы), с которой обязательно ассоциировалось и связывалось имя Сталина. Устранение (после 1953 года, а особенно после «разоблачения культа личности», инициированного Н. Хрущевым в 1956 году) из этой конфигурации значений собственно «личностного компонента» (исторически конкретного Иосифа Джугашвили-Сталина), к которому партийным идеологам удалось привязать проблематику тоталитарного режима (террор, институты репрессий, двойной характер социальной организации общества-государства, природу коммунистической идеологии и пр.), вытесняемого таким образом, не затронуло структуры этих значений. «Сталин» сегодня – это не образ конкретного политического деятеля или набор сколько-нибудь достоверных знаний об исторической личности, а комплекс символов и стереотипных, банальных представлений, играющих существенную роль в поддержании связности и упорядоченности образов массовой идентичности, политических установок по отношению к государству и его величию. С одной стороны, для значительного числа жителей России Сталин – бесчеловечный тиран, палач и диктатор, фигура, с которой связаны представления о массовых репрессиях, концлагерях, гибели миллионов людей, но с другой – для не меньшего числа людей – это национальный вождь, под руководством которого, как считается, страна одержала победу в Великой Отечественной войне, разгромила Гитлера, достигла наивысших успехов в своей истории, стала

одной из двух супердержав в мире. По большей части эти представления, как мы увидим ниже, каким-то образом укладываются в одних и тех же головах.

Важно, что во всех вариациях этой идеологемы присутствует два постоянных мотива: а) суверенитет руководства, полнота власти (почти мистическая) без ответственности, пассивное население без участия, без представительства (без механизмов репрезентации) групповых интересов и ценностей, общество без политики, человек без прав и сознания собственной, имманентной ценности, только как объект управления и принуждения; б) постоянство политики конфронтации, необходимость противостояния (врагам самого разного толка).

Нужда в мифологемах такого рода обычно проявляется в ситуациях кризиса мобилизационного государства или слабой легитимности недифференцированной и персоналистской власти, особенно острой в ситуации ее неизбежной передачи, смены или падения массовой поддержки.

Секулярный (политический) миф, как и любая другая идеология, не существует отдельно от тех социальных групп или институтов, стараниями которых он вырабатывается, трансформируется и распространяется. Никакой спонтанной или «естественной» потребности общества в подобных идеологических комплексах нет. Падение или рост значимости сталинского мифа носят «рукотворный», искусственный характер и могут быть вполне рационально объяснены действиями механизмов пропаганды. Любая идеология (в том числе идеологизированная «культура», становящаяся предметом специальной заботы «государства») существует лишь в практике ее социальной организации, бюрократических ведомств, обеспечивающих ее воспроизводство в массовых слоях общества. По отношению к такого рода идейным структурам работает не «внутренняя логика» движения идей, а лишь направленность групповых и институциональных интересов действующей власти (обеспечения массовой поддержки, мобилизации, удержания власти, дискредитации противников, нейтрализации недовольных) или ее конкурентов и критиков. Метафоры «свободно парящей интеллигенции» Маннгейма или «третьего царства» идей Поппера как модели внутренней организации института, вносящего в сознание публики новые смыслы, здесь неприменимы. Напротив, речь идет о намеренном навязывании определенной модели отношений власти и общества и массовой готовности ее принять или сопротивляться этому. Последнее косвенным образом может свидетельствовать о латентной структуре общества или его культуре. Поэтому я хотел бы рассматривать здесь сталинский миф в качестве «меченого атома», то есть своеобразного индикатора различных состояний посттоталитарного общества.

На вопрос, заданный социологами в марте 2016 года: «Можно ли сказать, что наша страна уже избавилась от последствий сталинизма?», 34 % опрошенных ответили «да, уже избавилась», 21 % – «нет, но постепенно преодолевает», 13 % – «никогда не избавится» и 15 % – «это и не нужно, при Сталине было много хорошего»; 17 % затруднились ответить. Такое распределение означает, что в российском обществе сегодня нет определенности в отношении к советскому прошлому³⁰. Тема Сталина, прежде всего – массовых репрессий в 1930–1940-х годов, в значительной степени утратила свою остроту и актуальность, поскольку относительно немногие россияне допускают в будущем возврат к политике террора.

Таблица 126.2

Возможно ли в обозримом будущем в России повторение подобных репрессий?

³⁰ Группы с более или менее определенными взглядами и позициями распределились примерно по третям: 34 % считают, что «избавилась», против 34 % тех, кто полагает пока еще «преодолевает» или «никогда не преодолеет», и 32 % тех, кто считает это «не нужным» или отказывается от ответа.

	2007 VIII	2011 IV	2012 VIII
Определенно да	5	4	3
Скорее да	14	19	21
Скорее нет	42	44	37
Определенно нет	14	15	14
Затруднились ответить	25	18	25

N = 1600. В % к числу опрошенных.

Отношение к Сталину в российском массовом сознании носит двойственный и противоречивый характер. Сила подобного коллективного мифа измеряется его способностью присоединять к основной схеме «гениального вождя и учителя», разработанной в 1930–1940-е годы, новые представления и пропагандистские клише: от ностальгического образа генералиссимуса – победителя в войне с Германией или лидера мирового коммунистического движения до символа национального превосходства русских, образца государственного «эффективного менеджера», обеспечившего форсированную модернизацию отсталой страны³¹.

Главное, что смысловая доминанта интерпретации Сталина, навязываемой пропагандой, остается прежней: абсолютная власть диктатора, не подлежащая какому-либо контролю или ограничению со стороны общества, которое при этом мыслится пассивным, зависимым, направляемым его волей и интересами. Персонификация абсолютной власти (мудрой, дальновидной, отечески заботливой, способной концентрировать ресурсы страны и подчинять людей задачам процветания государства) соотносится с представлением, что сама по себе жизнь отдельного человека малозначима, что никаких возможностей «предъявить счет» кому-либо за погубленную жизнь миллионов людей в ходе репрессий нет, а потому надо терпеть или забыть то, что было. Важно подчеркнуть, что массовые представления о Сталине заданы рутинным, повседневным и практически не контролируемым отдельным человеком воздействием многих институтов: школой, массовой литературой и кино, СМИ, армией и т. п. Именно предельно клишированные формы появления фигуры Сталина, как правило, в качестве персонажа третьего ряда на фоне каких-либо сюжетов о войне или жизни в советское время задает стандарт его восприятия и оценки в коллективном сознании. Стереотипность и повторяемость этого образа делает его устойчивым к попыткам критики и переоценке, другим интерпретациям. Любые изменения в массовом восприятии этой фигуры обусловлены изменением общего идеологического и политического контекста интерпретации настоящего и следующих из этого проекций на прошлое. Отмечу еще один момент: разрыв между академическим знанием профессиональных историков и миром массовой культуры, обусловленный отсутствием системы коммуникаций между наукой и публичной сферой, находящейся под контролем нынешних СМИ³².

³¹ В последние годы государственная политика в отношении прошлого стала открыто делать упор на эклектическом соединении самых разных лозунгов и символов национального, имперского величия, объединяя в одном ряду Сталина и православных иерархов, князя Владимира и Ивана Грозного, советских полководцев и белых генералов, антипольскую риторику (изгнание поляков из Москвы в 1612 году, поход Красной Армии 1920 года на Варшаву) и войну на Кавказе и т. п.

³² Основательную критику пропагандистских и массовых мифов о Сталине см.: *Орешкин Д. Б. Джугафилия*. М.: Мысль,

Динамика отношения к Сталину

Резкая, хотя и очень поверхностная перестроечная критика советского прошлого сводилась главным образом к обличению бюрократических «извращений социализма», к раскрытию масштабов и трагических последствий массовых репрессий, террора 1937 года, коллективизации и т. п. Но при этом публицистика не затрагивала ни причин, ни морально-правовой оценки самого советского тоталитаризма, сводя все дело к параноидальной личности Сталина, идеологическому догматизму или жестокости его окружения. Поэтому в 1989 году, в одном из первых опросов, где ставилась задача выявить «пантеон» «самых выдающихся людей, общественных и культурных деятелей, оказавших наиболее значительное влияние на мировую историю», имя Сталина в России назвали всего 12 % опрошенных (11-е место в списке, включавшем больше сотни различных деятелей)³³. В 2012 году, через 23 года после первого замера, Сталин занял в этом списке ведущую позицию: его в этом качестве назвали 42 % опрошенных (табл. 127.2).

Таблица 127.2

Динамика самых значимых имен – символов национальной идентичности
Назовите, пожалуйста, 5–10 имен самых выдающихся людей всех времен и народов?

	1989	1991	1994	1999	2008	2012	2017
Ленин	72	59	46	42	34	37	32
Петр I	38	51	56	45	37	37	29
Маркс	35	8	6	5	3	4	4
Пушкин	25	32	31	42	47	29	34
Ломоносов	20	14	18	18	17	14	10
Жуков	19	16	19	20	23	15	12
Энгельс	18	6	5	2	1	<1	2
Горбачев	17	24	10	4	6	7	6
Суворов	17	24	24	18	16	12	10
Гагарин	15	8	11	26	25	20	20
Сталин	12	28	28	35	36	42	38
Путин	–	–	–	–	32	22	34
Сахаров	–	27	17	8	6	6	2

2019.

³³ Открытый вопрос, то есть опрашиваемые люди сами называли те или иные фигуры, а не выбирали, как это делается во многих случаях, из предлагаемого социологами списка.

В % к числу опрошенных (ответы на открытый вопрос); ранжировано по 1989 году.

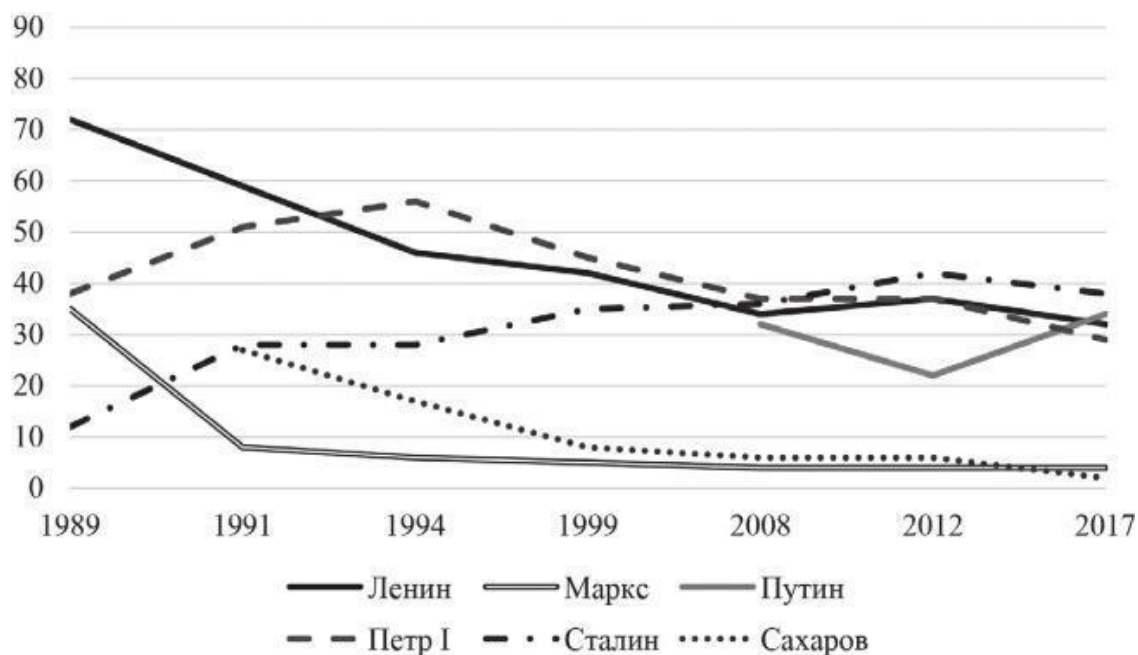

Рис. 14.2. «Назовите, пожалуйста, десять самых выдающихся людей всех времен и народов»

За это время идеологические фигуры – символы советской эпохи – постепенно теряли свою значимость и отходили на задний план. Их место занимали имена, воплощавшие славу империи – полководцы, политики, герои, поэты-классики и ученые, с упоминания которых начинается массовое школьное образование, а значит, и процесс социализации и формирования национальной идентичности. Классики марксизма-ленинизма и советские легендарные деятели (Маркс, Энгельс, Ленин, большевики, активные участники революции или строительства СССР) были вытеснены теми, кто представлял новую идеологию – патриотизма или русского имперского национализма. Все прежние персонажи были по-новому интерпретированы в изменившихся рамках понимания характера коллективной идентичности. Так, например, царь Николай II, вызывавший симпатии в 1990 году лишь у 4 % россиян, к началу 2000-х годов стал почитаемым уже 22 % опрошенных, а антипатии к нему сошли практически «на нет» (4 %). Ушли и персонажи перестройки – Сахаров, Горбачев и др.

Таблица 128.2

Изменение ранга значимых имен в общественном мнении России, 1989–2017

	1989	1991	1994	1999	2008	2012	2017	Изменение ранга
Ленин	72	59	46	42	34	37		I-> IV
Маркс	35	8	6	5	3	4		III -> XXXIII
Петр I	38	51	56	45	37	37		II-V
Пушкин	25	32	31	42	47	29		IV-II-III
...
Сталин	12	28	28	35	36	42		XI -> I

В % к числу всех опрошенных в каждом замере.

В первых замерах Сталин, в сравнении с другими «деятелями времен революции и Гражданской войны», вызывал самую сильную антипатию: в 1990 году о нем в таком ключе отзывались 49 % опрошенных³⁴.

В конце 1990 года, на излете перестройки, мало кто в России думал, что Сталин останется в ее истории в каком-нибудь ином контексте, кроме описаний массового террора, коллективизации, голода, военной катастрофы 1941 года и т. п. Так, в начале 1991 года всего лишь 0,2 % опрошенных думали, что через поколение о Сталине будет помнить кто-нибудь, кроме историков советского времени, а 70 % респондентов полагали тогда, что уже к 2000 году Сталина забудут или он не будет иметь никакого значения, всего 10 % опрошенных считали, что через 10 лет имя Сталина будет еще что-то значить для «народов СССР» (у остальных 10 % не было какого-либо определенного мнения на этот счет). Но в дальнейшем, после тяжелого кризиса, связанного с распадом СССР и трансформационными процессами в экономике, на фоне падения уровня жизни, среди наиболее бедной части населения или тех групп, которые утратили прежнее социальное положение и авторитет, заметно усилились ностальгические настроения и идеализация советского прошлого. По контрасту с текущей ситуацией советские символы (но не ближайшего времени – брежневского «застоя», а более отдаленного – военного и послевоенного времени) стали набирать силу и притягательность. Поэтому сталинский период на фоне реформ 1990-х годов стал оцениваться все более позитивно (*табл. 129.2*).

Таблица 129.2

С какой оценкой сталинского периода в истории нашей страны вы бы скорее согласились? Как вы считаете, время Сталина принесло больше хорошего или плохого?

³⁴ Для сравнения: Махно и Керенский – по 19 %, Колчак – 22 %, Троцкий и Николай II – по 10 %, Ленин – 5 %, Дзержинский – 4 % и т. п. Среди тех революционеров, кто, напротив, вызывал «симпатию», первые позиции занимали: Ленин – 67 %, Дзержинский – 45 %, Бухарин – 21 %, Троцкий – 15 %, Махно – 8 % и лишь затем Сталин – около 8 %.

	1994 VIII	1999 IV	2003 VII	2008 III	2012 X	2016 II
Больше хорошего, чем плохого	16	26	29	25	27	40
Больше плохого, чем хорошего	60	48	47	44	42	38
Не принесло ничего особенного	5	4	4	6	5	6
Затруднились ответить	20	22	21	25	25	16
Хорошее / плохое	0,27	0,54	0,62	0,57	0,64	1,05
Число опрошенных	3000	2000	2000	2000	2000	1600

Медленный рост восстановления «величия Сталина» наблюдался на протяжении всех 1990-х годов. Начиная с 2002–2003 года Сталин открыто становится предметом телевизионной пропаганды и политической рекламы. Перелом в общественном отношении к нему наступил с приходом к власти Путина. Масштабная программа реидеологизации общества, развернутая в начале 2000-х годов, достигла своей (первой!) кульминации во время подготовки к празднованию 60-летия Победы над Германией. Тогдашний формальный руководитель правящей «Единой России» и спикер Госдумы Б. Грызлов в день рождения Сталина (21 декабря 2004 года) возложил цветы к его памятнику у стены Кремля и призвал пересмотреть историческую оценку Сталина. Он заявил, что «перегибы» деятельности Сталина не должны закрывать для нас «незаурядность» личности этого человека, который как «лидер страны многое сделал для Победы в Великой Отечественной войне». Секретарь ЦК ВКП (б) А. Куваев, назвав тогда же Сталина «самым выдающимся государственным деятелем», «политиком, которого не сегодня хватает России», заявил, что «сегодня Россия в плачевном состоянии», а потому ей «нужен новый Сталин».

Таблица 130.2

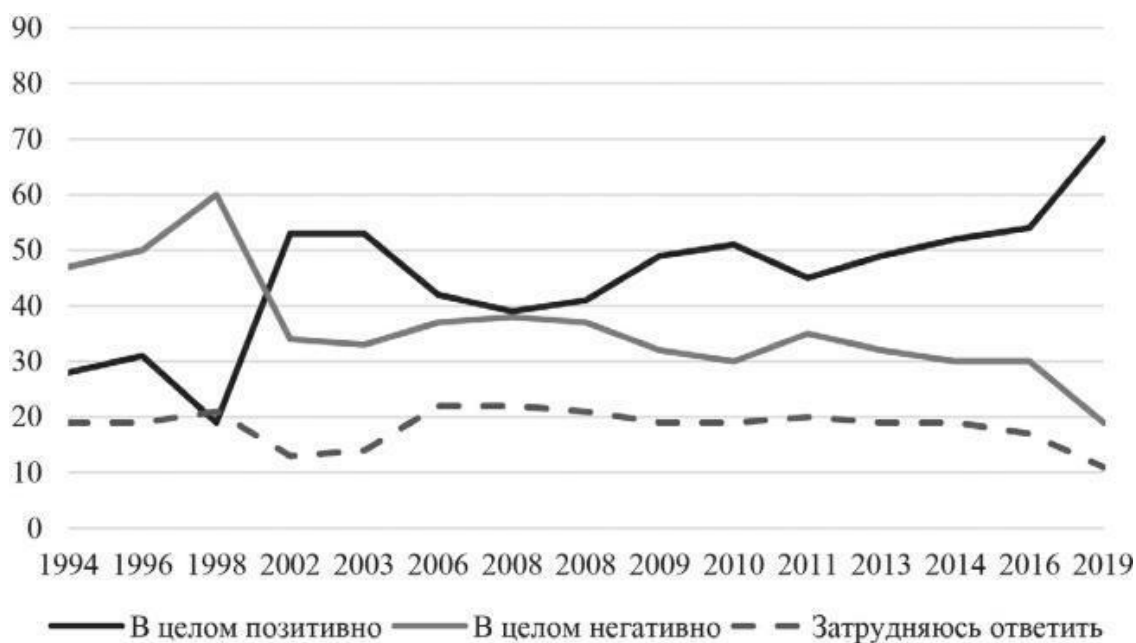
Как бы вы оценили роль Сталина в советской истории, истории нашей страны?

1994–2016	94**	96	98	02	03	06	08	09	11	13	14	16
В целом позитивно**	27	31	19	53	53	42	42	49	45	49	51	53
В целом негативно**	47	50	60	34	33	37	37	33	35	32	30	30
Затруднились ответить + не знают, кто такой Сталин (1%)	19	19	21	13	14	21	21	18	20	19	19	17

* Сумма ответов «безусловно положительную» + «скорее положительную» и «скорее отрицательную» + «безусловно отрицательную».

*** В опросе 1994 года была использована иная шкала; помимо уже приведенных вариантов ответа вводилась подсказка «незначительная роль», которую выбрали 5 % опрошенных.*

Реабилитация Сталина носила осторожный и двусмысленный характер: не отрицая самого факта массовых репрессий и преступлений сталинского режима, кремлевские политики старались отодвинуть эти обстоятельства на задний план, всячески подчеркивая заслуги Сталина как полководца и государственного деятеля, который обеспечивал модернизацию страны и превращение ее в одну из двух мировых супердержав.

$N = 1600$.

Рис. 15.2. Какую роль сыграл Сталин в жизни нашей страны?

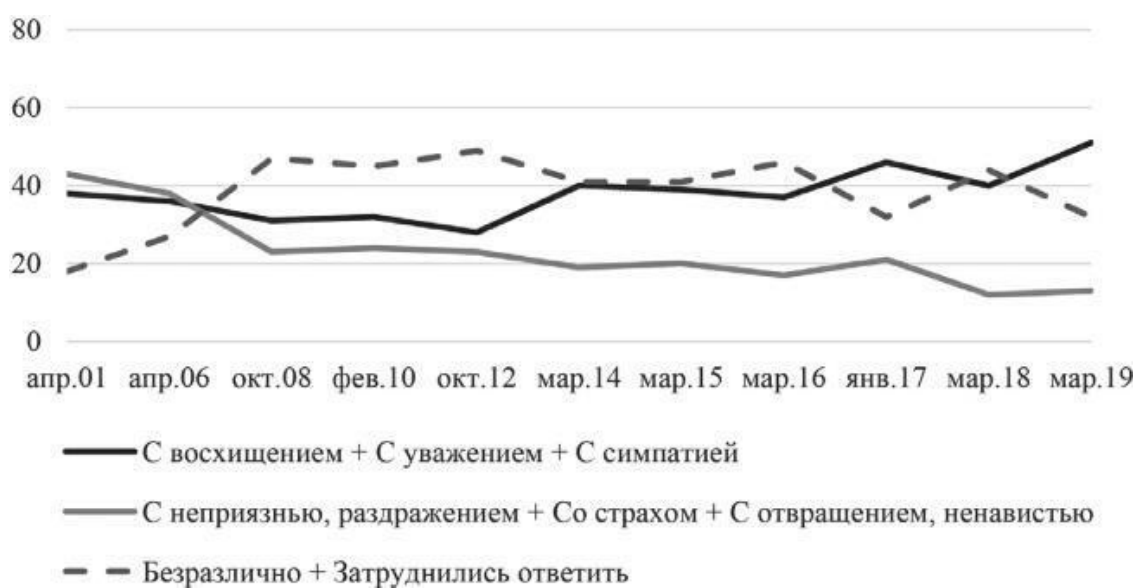

Рис. 16.2. Как вы лично в целом относитесь к Сталину?

Результатом этой политики «исторической памяти» можно считать, что уже в 2008 году на вопрос: «Будут ли через 50 лет люди в России вспоминать о Сталине, и если да – то с какими

(хорошими, плохими или смешанными) чувствами?», респонденты давали уже не столь однозначные, как ранее, ответы: лишь 23 % россиян полагали, что в будущем Сталина полностью забудут, но относительное большинство опрошенных (45 %) все же полагало, что вспоминать о нем будут, правда, «со смешанными чувствами».

Таблица 131.2

Будут ли через 50 лет люди в России вспоминать о Сталине, и если да, то с чувствами: хорошими, плохими или смешанными?

С хорошими чувствами	7
С плохими чувствами	9
Со смешанными чувствами	45
Не будут вспоминать	23
Затруднились ответить	16

Октябрь 2008 года. N = 1600.

Второй пик популярности Сталина приходится на «посткрымский период» усиления антизападной, антилиберальной риторики и мощного разворота пропаганды в сторону русского консерватизма и традиционализма. В январе 2017 года показатель позитивного восприятия Сталина составил уже 46 %, а удельный вес негативных суждений снизился более чем вдвое³⁵.

Полярные и четко выраженные мнения представлены равным, хотя и незначительным числом респондентов: положительные установки проявлены у 7 % респондентов, негативные – у 9 % (16 % затруднились с ответом).

То, что столь малое число россиян сохранило к этому моменту выражено негативную оценку диктатора, указывает на отсутствие ресурсов для моральной и исторической рационализации советского прошлого.

Изменения социально-культурного фона постсоветского общества и траектория сталинского мифа

Вопрос: что стоит за расширяющимся признанием «величия Сталина» – требует ответа. Прежние интерпретации этих фактов – сокращение фактического знания о сталинской эпохе, имморализм российского общества, слабость моральных авторитетов, государственный сервилизм и «молчание» профессиональных историков, общий оппортунизм образованных слоев, а также эффективность кремлевской пропаганды, нуждающейся в освящении нынешнего коррумпированного режима заимствованным «величием» прошлого – справедливы, но недоста-

³⁵ Основной тон в позитивных установках по отношению к Сталину можно описать как «уважение» (но не «восхищение» и не «человеческую симпатию», что говорит об отсутствии важнейших ценностно-эмоциональных признаков «харизматичности» в его нынешнем образе). Типичная реакция неосталинистов сегодня находит выражение не в официальной прессе или на телевидении, а в социальных сетях. См., например: Правда о Сталине и его Советской эпохе. Иосиф Сталин назван самым великим человеком в мире. 25.02.2017. URL: https://vk.com/wall154448564_3226.

точны³⁶. Они не объясняют самого механизма возвращения Сталина и вытеснения из массовой памяти, из сферы публичности практики государственного террора.

Рассмотрим контекст произошедших за 20 лет изменений, выделив пять наиболее значимых для нашей темы моментов:

1. Две перемены политических режимов: советская политическая система рухнула и заместила ельцинским правлением, условно говоря, «переходным к демократии», которое, в свою очередь, после кризиса 1998 года, сменилось путинским авторитаризмом. Смены типов господства сопровождались циркуляцией и перетряской персонального состава элит, вектором идеологии и, соответственно, характером легитимации политической власти. За установлением авторитарного режима естественным образом последовало вытеснение политики из общественной жизни и восстановление привычного состояния «выученной беспомощности» масс.

2. Ушло поколение, жившее и в сталинское, и в последующее советское время, а значит, обладавшее личным опытом, непосредственным повседневным знанием той эпохи; это знание (в силу закрытости общества и отсутствия необходимых интеллектуальных средств) не стало, и не могло стать предметом публичной рефлексии, моральной и социологической рационализации прошлого. (Жили и помнят это время сегодня 6 % населения, многое слышали от старших и знают об этом – 13 %.) Ушло не столько в демографическом смысле, сколько в общественном: его взгляды и ценности перестали быть значимыми для молодых. Соответственно, увеличивается доля опосредованного, препарированного знания.

3. С распадом советской системы закончилось существование двусмысленной интеллигентской культуры 1960–1980-х годов с ее специфическим сервилизмом и сопротивлением государственному насилию; именно она была держателем нормы гуманизма в советском обществе; с крахом интеллигенции резко ослабла культура страха и памяти. Интеллигентская культура возникла (одновременно с критикой «культы личности» Сталина)³⁷ в качестве самообоснования репродуктивной бюрократии советского времени. Стимулами для осмысления опыта прошлого стала война, вина власти за поражения первых лет, за громадные потери и безжалостное растрачивание людей, сговор Сталина с Гитлером, безответственность руководства на всех уровнях, стремление определить цену сохранения советской власти. Носителем этой культуры было не само военное поколение, а непосредственно следующее за ним, рожденное в 1930–1940-х годы³⁸. Только этот слой производил «понимание» советской истории. Интеллигенция держалась лишь до тех пор, пока сохранялась советская власть, которая обеспечивала ее существование, а затем этот слой рассыпается, деградирует и интеллектуально, и морально, и исчезает, оставляя за собой пространство цинизма и недоразумения. Распад государственной организации культуры и замещение ее массовой культурой (это два независимых друг от друга процесса, не стоящих между собой в причинно-следственных отношениях) привели к разрушению связей между центром и периферией, к изменениям в механизмах передачи образцов

³⁶ См.: Гудков Л. Д. Миф о Сталине и проблема «стабильности» посттоталитарного режима // Гудков Л. Д. Абортивная модернизация. С. 491–503; *Его же*. Историческое бессилие // Новая газета 04.04.2008; *Его же*. Безответственность власти // Ведомости. 30.09.2009.; *Его же*. Мы ему не братья и не сестры. А он нам не отец // Новая газета. 23.05.2011; *Его же*. Дефицит легитимности путинского режима: Игры со Сталиным // Società totalitarie e transizione alla democrazia. Saggi in memoria di Viktor Zaslavsky. Bologna: Il Mulino, 2011. P. 431–456.

³⁷ «Этот термин в 1950-е годы получил условное, эвфемистическое, а на деле – фальшивое значение: тоталитарный режим – это куда сложнее и страшнее, чем славословие Сталину. А нас на 10 лет заняли обсуждением вопроса, кто был виноват, Сталин или Ленин?» (Левада Ю. А. Это было уникальное историческое явление // Шестидесятники. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. С. 39. URL: <https://liberal.ru/wp-content/uploads/legacy/files/articles/1966/60-desyatniki.pdf>).

³⁸ Как раз за ним последовало поколение, период социализации которого пришелся на брежневский застой с его тихой реабилитацией Сталина, окончательным отказом от коммунистической идеологии и утверждением русского или имперского национализма как идеологического суррогата прежней тоталитарной миссионерской идеологии – поколение нынешнего руководства страны (Путина, Иванова, Сечина, Сердюкова и др.).

от «интерпретаторов» или носителей высокой культуры к реципиентам – зависимым в интеллектуальном и моральном плане потребительским группам.

Следствием подобных изменений оказалась устойчивая тенденция к общей примитивизации общественной жизни. Как показывают социологические исследования, определенное – и более проработанное – отношение к Сталину сохранилось лишь у тех, кто сознает опасность повторения репрессий, кто боится их. Лишь у них сохраняется историческая память о той эпохе и характере советской системы, так как они в состоянии учитывать исторические уроки; понятно, что это образованные, пусть даже и поверхностно, группы, обладающие некоторыми интеллектуальными средствами рефлексии и культурными ресурсами; они больше других встревожены ситуацией в стране, более критически относятся к нынешней власти, понимая потенциал исходящих от нее угроз³⁹. Поэтому после ухода интеллигентской культуры, в образовавшейся пустоте идей и представлений о будущем, уже при Путине, в окружении которого особую роль играли бывшие сотрудники КГБ (родившиеся позже, в начале 1950-х годов, прошедшие социализацию в условиях брежневского безвременья, реакции и наступившей деморализации), в идеологической практике воцарился дух мстительного консерватизма, реванша и демонстрации наглой силы.

4. Наряду с изменениями в институциональной системе общества произошли изменения и в структуре механизмов и каналов репродукции исторической памяти. Каналы информированности (знания) – это не случайные «путепроводы» исторических сведений, а институциональные средства воздействия на общество (социализации, идеологической индоктринации или, напротив, нейтрализации определенных взглядов и мнений, стерилизации и вытеснения страшного опыта сталинского времени). Изменение в их структуре непосредственно отражается на характере массовых представлений и оценок прошлого. Во-первых, сократился до минимума удельный вес письменной культуры – художественной литературы, исторической публицистики, дававших ранее основную долю критической интерпретации сталинской эпохи⁴⁰. Во-вторых, пропорционально этому сокращению вырос объем школьных знаний о сталинской эпохе, препарированных и идеологизированных в соответствии с установками власти, а потому – скучных, безжизненных, оторванных от этических проблем молодого поколения⁴¹. В-третьих, основная роль производства представлений о сталинском времени перешла к государственным каналам телевидения, трансформировавшим изображение исторической эпохи в глянцево, мелодраматическое представление событий частной жизни, разыгрываемых на фоне иррационального и беспричинного общественного террора⁴². В-четвертых, резко вырос объем и влияние массовой исторической паралитературы и гламурной продукции, выстраива-

³⁹ Соотношение допускающих повторение массовых репрессий и не верящих в такой сценарий политического развития страны составляет сегодня 1:2 (24 к 51 % при 25 % «затруднившихся с ответом»). Большинство россиян в действительности не хотят знать ничего как о сталинской, так и о последующей советской эпохе, хотя декларативно говорят об обратном. Доля собственного чтения (книг, журналов, художественных сочинений, воспоминаний, относящихся к сталинскому времени) в структуре массового чтения сократилась за двадцать лет с 58 до 26 % (при том, что читать вообще стали гораздо реже, число «нечитателей» за этот период выросло втрое – с 20 до почти 60 %).

⁴⁰ См. главу «Время и история в сознании россиян»: Наст. изд. Т. 1. С. 622–809. Следуя этой же линии, внутри Русской православной церкви не затихают разговоры о возможности церковной канонизации Сталина.

⁴¹ Опросы молодежи, касающиеся качества преподавания в школе, в том числе преподавания истории, свидетельствуют о том, что на уроках истории в наших школах много узнать о сталинском времени и тем более о массовых репрессиях нельзя. От 75 до 80 % опрошенных данной категории заявили, что они не получили об этом никаких знаний или получили «слишком мало» (июль 2005 года, N = 2000). Более поздние опросы уже всего населения подтверждают эти данные: в 2011 году 72 % заявили, что о сталинских репрессиях они имеют «самое общее представление» и знают, по их словам, «мало», 12 % вообще ничего не знают. Однако это не мешает основной массе (80 %) быть довольным качеством обучения истории, теми знаниями, которые они или их дети получили в школе (2008 год). Другими словами, существует равновесие между запросами на знание истории страны и предложением, обеспечивающим разгрузку от «ненужных вопросов и напряжений».

⁴² Телевидение стало основным источником сведений о том времени, доля кинематографа, которая была очень значительной в позднесоветское время, резко сократилась. На телевидение сегодня приходится около трети получаемых сведений и представлений о тоталитаризме. Каково качество этих сведений, вопрос для дискуссий.

ющих освещение исторического прошлого по моделям авантюрной, конспирологической или развлекательной и «желтой прессы». Распространение, хотя масштабы его и не следует переоценивать, получили работы о Сталине, написанные в канонах националистической (конспирологической, антисемитской или антизападной) или бульварной, авантюрной прессы⁴³.

5. В 2000-е годы в России возникает совершенно неизвестное в российской истории явление – формируется «общество потребления», характеризующееся очень коротким временным горизонтом, ценностными императивами «здесь и сейчас»⁴⁴. Идеология общества потребления противоречит и разрушает этос мобилизационного общества и его структуры. Мотивация и смысл «потребления» в 2000-е годы мало связаны с гратификацией личного труда, напротив, в очень большой степени потребительская мораль стала выражением «подавленных» или «отложенных желаний» родителей нынешних потребителей, проживших свою жизнь в условиях социалистической уравниловки и принудительного аскетизма планово-распределительной экономики, и от образа жизни которых молодое поколение стремится всяческим образом дистанцироваться как от «совкового прошлого», идентифицируя себя с жизнью в «нормальных странах». Неконвенциональное прошлое (то есть такое, которое лишено символической связи с величием национального целого – без георгиевских ленточек и «Спасибо деду за Победу») в нынешней гламурной культуре оказывается не функциональным, избыточным, более того, порождающим дискомфорт и диссонанс в массовых установках на потребление. Оно выпадает из значений реальностей настоящего⁴⁵. Ненужной оказывается сама модальность необходимости осмысления травматического опыта прошлого (в том числе национального стыда и страха).

⁴³ Вслед за новыми, «правильными» учебниками истории государственное телевидение – основной инструмент путинской пропаганды – стало показывать бесконечные сериалы о тайнах кремлевской жизни, интригах и заговорах в ближайшем окружении диктатора, его душевных терзаниях и «религиозных исканиях» (например, «Сталин. Live», шедший в 2007–2010 годах), пропагандистские ток-шоу, например «Имя России», в котором Сталин показан как главный символ величия России, синоним национальной славы. Эти передачи продолжили тематику и даже жанровые особенности появившейся еще в 1990-е годы обширной тривиальной литературы о нем, его привычках и вкусах, его окружении и любовницах, где Сталин подан то как национальный гений и вождь, спасающий Россию от фашизма или иностранного влияния, в том числе еврейского заговора, то, напротив, в качестве тайного маньяка, конспиратора, одержимого идеей тотального могущества и личной власти, инициатора тайных интриг и пр. Сами по себе подобная литература и телепередачи могли и могут быть апологетическими, разоблачительными или развлекательными, даже стебными, продолжающими жанровую линию анекдотов 1970–1980-х годов, как это представлено, например, в «6 кадрах», но во всех случаях они не затрагивают структуру и суть стереотипа: изображения Сталина всегда носят крайне жесткий характер – маршалский мундир с большими звездами на золотых погонах, грузинский акцент и трубка выполняют все функции, которых требует эта роль. Эта маска сама по себе несет все латентные, подразумеваемые смыслы, которые делают визуальной и осязаемой «харизму» вождя, отделенного невидимым барьером мифа от обычных людей и даже своего окружения. (Если бы это было нужно для каких-то целей, то режиссеры заставляли бы идти Сталина в сортир или в ванну исключительно в мундире и при Звезде героя СССР). Важно, что даже при самой плоской сюжетной ситуации, этот персонаж входит в кадр в ореоле страшного знания о нем и его эпохе. Конечно, масштабы распространения подобной продукции ограничены периферийной в социальном и культурном плане средой, в которой доживают остатки прежних мифов. Но именно эта среда и является складом, где хранятся элементы подобных мифов. Такого рода книги и передачи могут быть внешне даже как бы антисталинскими или с большими включениями фактического материала о репрессиях, однако, в конечном счете интерпретация Сталина в них будет близка к позиции, сформированной ЦК КПСС вскоре после доклада Хрущева на XX съезде и остающейся неизменной до сих пор: Сталин виновен в незаконных репрессиях («перегибах»), но лишь подобными средствами можно было создать такую великую сверхдержаву, как СССР.

⁴⁴ «Общество потребления» – это не «средний класс» в западном смысле слова, с которым у нас обычно путают это явление. Гратификации российского потребителя гораздо слабее связаны с условиями признания индивидуальных достижений, с индивидуалистической этикой, чем в западных обществах (следует учитывать само различие институциональных систем, задающих признание и смысл труда). Российская рыночная экономика остается сильнее всего образом зависимой от власти, в ней огромное значение приобретают распределения административной ренты и коррупционных ресурсов, деформирующих общественный смысл «достижения». Потребление в современной России теснейшим образом связано с демонстрацией статуса, социального престижа как выражением социальной ценности индивида, то есть с «подсознанием» дефицитарного социалистического общества. «Общество» как апеллятивная инстанция здесь, в отличие от среднего класса в странах завершенной модернизации, сохраняет свой адаптивный и зависимый (по отношению к политической системе) характер. Поэтому верхний уровень коллективных ценностей, комплексов представлений, символов не связан с ценностями частной жизни и существования, не зависит от них и остается государственно-патерналистским и предельно консервативным.

⁴⁵ Одна моя знакомая рассказывала о своем приятеле, между прочим, кинорежиссере, который на просмотре фильма «Страсти Христовы» Мела Гибсона во время сцены в Гефсиманском саду наклонился и спросил ее: «А чего он так парится? Что происходит?».

Отказ от прошлого означает, что будущее предстает как бесконечная или многократная итерация настоящего (с повышением качества потребления). Такой тип ценностных регулятивов делает ничтожной значимость культуры, а вместе с ней и представления о более сложных запросах, чем нормы потребительского образа жизни. Нынешняя деэтизация ценностных запросов и ориентаций (ослабление идеологии государственного патернализма в среде самых продвинутых групп населения) в сочетании с сознанием подавленных возможностей политического участия легко сочетает потребительский гедонизм с готовностью уживаться с авторитарным режимом. Другими словами, идет общая ювенилизация жизни (в том числе инфантилизация коллективной, публичной жизни).

Явление «общества потребления» в российском исполнении указывает на то, что возник диссонанс, люфт, разрывы между новыми сферами социальной жизни (рыночной экономикой, массовой культурой, моделями потребления), и центральными институтами тоталитарной системы, которые крах коммунизма практически не затронул: организации власти, не подконтрольной обществу, полиции, суда, массового образования.

Подобный ценностный сдвиг, произошедший во второй половине 1990-х годов (а не просто плохое преподавание истории в школе, на которое ссылаются все преподаватели вузов) разорвал историческую преемственность поколений в постсоветское время. Это не случайное обстоятельство или частный процесс, а проявление специфической структуры российской истории – ее прерывистость. Левада назвал эту особенность «короткими рядами традиции»⁴⁶, когда смена политического режима влечет изменение всей институциональной организации культуры, а значит, и всего воспроизводимого ею (организацией культуры) микрокосмоса смысловых значений, ценностей, представлений и т. п. При такой структуре социокультурного процесса мы имеем дело не с аккумуляцией культурных продуктов, идей, знания, рационализацией социального опыта и его исторической и моральной проработки, а практически полным и одномоментным замещением, стерилизацией памяти предшествующего поколения, забвением истории. Это не развивающееся или усложняющееся общество, а общество повторяющееся, воспроизводящее механизмы интеллектуальной и моральной самокастрации.

В конечном счете сталинское время в массовом сознании откладывается как время диффузного, беспредметного, иррационального ужаса. Такое впечатление возникает из-за того, что теряется смысл террора и массовых репрессий, что государственная организация общества, живущего в условиях террора, остается вне рамок публичного рассмотрения. Иначе говоря, репрессии поданы в качестве инициатив отдельных «плохих людей», как проявление частных корыстных интересов (разного уровня – от сталинской «паранойи» и карьерных интриг до доноительства соседей, стремящихся захватить комнату в коммуналке). Самое важное, что производится этой поточной продукцией, это отсутствие в представлениях о сталинской эпохе идеи социального взаимодействия, а стало быть, подавление понятия субъективной ответственности за те или иные поступки и действия. Мир, реальность в этой картине непредсказуемы, поскольку не подчиняются воле и разуму отдельного индивида. Поэтому ощущения тотального страха или неопределенной угрозы, идущей отовсюду, опасности, исходящей от любого представителя власти, партийного функционера или сотрудника органов, от коллег по работе, желающих выслужиться перед начальством, случайных попутчиков – отражает не только сегодняшнее массовое знание о репрессиях того времени, но переносит на него современное чувство – осознание обывателем своей уязвимости, правовой и социальной незащи-

⁴⁶ «Каждый период обычно находит свое “оправдание” в отрицании предшествующего правления и расправах с его элитарными структурами. Функции отсутствующей традиции (как элемента легализации и поддержки существующего порядка) восполняются квазиисторической мифологией» ([Левада Ю. А.] Введение. Элитарные структуры в постсоветской ситуации // Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Левада Ю. А. Проблема «элиты» в современной России. М.: Мысль, 2007. С. 5). Ранее кто-то из русских философов уподобил этот феномен русской истории «луковице»: исторический слой снимался при очередном катаклизме и уходил один за другим, не меняя строения всего целого.

ценности от окружающего произвола. Именно в качестве коррелята к такой системе восприятия реальности возникает или принимается массовым сознанием фигура экстраординарного вождя – всевластного и всемогущего руководителя огромного государства, охватывающего своим взором все происходящее в стране.

Такая интерпретация времени террора и лишённого смысла государственного насилия оказывается иной, нежели изображение государственной машины, бездушной «системы», отбирающей во власть догматиков и конформистов, садистов или слепых исполнителей чужой воли. «Хорошие» или «обычные люди» поданы авторами телесериалов как пассивные жертвы обстоятельств, которые они не в состоянии контролировать и тем более изменить. Телевизионные передачи на «исторические темы», сталинские сериалы оставляют за рамки внимания и сюжетного нарратива несколько вещей, принципиально важных для осмысления прошлого: характер и структуру социальной организации советского общества сталинского времени, номенклатурный принцип власти (сращения партии и государства), функции идеологии, социальную направленность репрессий и другие особенности функционирования тоталитарных режимов. При этом теряется главное – субъектность представлений об истории (история как взаимодействие различных действующих лиц) и, следовательно, институциональная природа государственного насилия и его последствия для морали общества (оснований общественной солидарности). Акцент на «психологических» драмах и переживаниях маленьких людей оборачивается мелодраматизацией истории, лишает зрителя, читателя, реципиента этой медиальной продукции интеллектуальных средств понимания особенностей той эпохи, общих рамок ее интерпретации. История вроде и «есть», знакомые еще по школе события проиллюстрированы костюмированными актерами, но суть тех событий, ценностно-эмоциональный акцент и соотношение моральных оценок смещены или отодвинуты на дальний план. Возникает эффект вытеснения определенных, значимых звеньев происходившего, ведущего к деперсонализации жертв и разидентификации с ними, бесчувствия или отсутствия к ним вообще какого-либо отношения. Это явление немецкие психоаналитики Александр и Маргарет Митчерлих в своей книге «Неспособность к скорби», выдержавшей более 20 изданий и переводов на все основные европейские языки, назвали «дереализацией прошлого»⁴⁷. Дерееализация не означает полного исчезновения прошлого, но всегда – его переформатирование, перекомпоновку, как правило, производимую по лекалам или шаблонам мифа (когда причина и следствия многократно меняются местами, а действующий превращается в пассивную жертву непреодолимых сил и обстоятельств). Поэтому дереализация прошлого (устранение субъективной ответственности) сопровождается резким упрощением или, что то же самое – архаизацией сознания, в том числе и представлений о прошлом, всплывает нуминозный пласт сознания: представления о несоизмеримой с человеком мощи и силы государства, сакрализация власти как символического воплощения коллективных ценностей и ничтожности в сравнении с ним, неценности частного, индивидуального человеческого существования, получающего смысл только в обратной проекции на него значений государства. Примечательно, что при таких абберациях сознания образы прошлого четко отделяются от настоящего, разрываются отношения эмпатии между зрителем и героями исторического изображения.

В академических научных или университетских кругах дискуссии о сталинском прошлом практически не идут. Здесь со времен перестройки установился консенсус относительно Сталина как крупнейшего советского государственного деятеля, продолжателя ленинской политики «диктатуры пролетариата» и создателя мощного репрессивного государства, внутрипартийного аппаратного интригана и организатора массового террора и т. п. И одновременно здесь же обнаруживается сильнейшее сопротивление любым попыткам ввести изучение сталинизма в контекст сравнительно-типологического анализа режимов тоталитарного типа. Инициатива

⁴⁷ Mitscherlich A., Mitscherlich M. Die Unfähigkeit zu trauern. München: Piper, 1967.

изучения сталинизма перешла к общественным организациям, среди которых ведущее место, бесспорно, принадлежит «Мемориалу», и отдельным независимым историкам (таким, например, как О. Хлевнюк и его коллегам), связанным с зарубежными фондами и университетами и, естественно, предлагающим отличные от официальных трактовки истории. Однако они всегда оказываются в тени, маргиналами, мало известными широкой публике⁴⁸

⁴⁸ Огромную работу ведет негосударственное издательство РОССПЭН, выпускающее многотомную (свыше 220 книг) серию работ отечественных и зарубежных историков и политологов «История сталинизма» (за последние годы вышло несколько десятков книг), но тираж этих работ обычно не превышает 1000–2000 экземпляров, они дороги, а потому мало-доступны для преподавателей школ и университетов, особенно в провинции, где уровень жизни в два-три раза ниже, чем в Москве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.